

4.4. Первоначальные повестки реформ, аппаратное укрепление Горбачева и кадровое обновление (1985 - 1986)

У горбачевских реформ было три источника (по аналогии с названием известной ленинской работы).

Первый источник – оттепель. Реформы Михаила Горбачева стали попыткой возобновить и развить повестку оттепели, остановленной после смещения Никиты Хрущева и окончательно похороненной после того, как танки вошли в Прагу. Многие активные участники перестройки были «шестидесятниками», разочарованными брежневским «застоем» и мечтавшими о более гуманном, демократическом политическом строе и завершении процесса десталинизации. Приход к власти Горбачева стал для них последним шансом реализовать свои мечты о свободе.

Второй источник – косыгинская реформа 1965 года, незавершенная из-за не востребоваемости в условиях брежневского «нефтяного чуда». Повышение самостоятельности предприятий, развитие экономической инициативы – это продолжение и радикализация косыгинской традиции (притом, что в политической сфере Алексей Косыгин был весьма консервативен и вряд ли бы одобрил перестройку). Значительную роль в перестройке сыграли экономисты-«товарники», считавшие, что в советском плановом хозяйстве можно использовать элементы рыночной экономики.

Третий источник – это современный (конечно, для того времени) западный опыт. К моменту прихода к власти Горбачева Запад выигрывал соревнование с СССР, несмотря на все западные проблемы семидесятых годов – от бесславного ухода США из Вьетнама до экономического кризиса после взлета нефтяных цен. Рыночная экономика оказалась более гибкой, чем плановая, а коммерциализация инноваций и массовая компьютеризация закрепили позиции Запада как лидера в научно-технической сфере. А о состоянии потребительского рынка партийные функционеры знали по собственному опыту, когда привозили видеомэгафоны из зарубежных командировок.

Одна из самых обсуждаемых книг периода перестройки называлась «Иного не дано»¹. В ней ученые и публицисты из поколения «шестидесятников» – сторонники реформаторского курса – доказывали, что реформам в экономике и политике нет альтернативы. В последующие годы такое мнение неоднократно отвергалось – в качестве альтернативного, более предпочтительного, варианта развития страны рассматривалась «китайская модель», сочетающая глубокие экономические реформы со строго дозированными политическими преобразованиями при сохранении руководящей роли компартии.

Однако в данном случае речь идет о типичном послезнании. В советском руководстве образца 1985 г. был единственный политик, предлагавший коренные экономические перемены, – и это Михаил Горбачев. Никто из его коллег и близко не подходил на роль российского Дэн Сяопина – все они были сторонниками сохранения status quo. Более того, у всех них был крайне слабый коалиционный ресурс – политбюро ЦК КПСС в 1985 г. было в основном собранием одиночек. Горбачев же смог прийти к власти, сформировав коалицию с участием еще двух членов политбюро (Андрея Громыко, Михаила Соломенцев), влиятельного кандидата в члены Политбюро (главы КГБ Виктора Чебрикова) и двух секретарей ЦК (Егора Лигачева и Николая Рыжкова).

¹ Афанасьев Ю.Н. (ред.) Иного не дано. М.: Прогресс, 1988.

В 1988 г. на XIX партийной конференции Лигачев заявил: «Это были тревожные дни. Могли быть абсолютно другие решения. Была такая реальная опасность. Хочу вам сказать, что благодаря твердой позиции членов Политбюро товарищей Чебрикова, Соломенцева, Громыко и большой группы первых секретарей обкомов на мартовском Пленуме ЦК было принято единственно правильное решение»². Означает ли это, что существовала реальная альтернатива Горбачеву и что хотя бы частично верны слухи о расколе в Политбюро и даже голосовании, при котором у Горбачева оказался перевес лишь в один голос, причем в отсутствие «застрявшего» в официальной поездке в США украинского партийного лидера Владимира Щербицкого? Воспоминания Лигачева и секретаря московской партийной организации Виктора Гришина дают несколько разные картины происходившего – Лигачев обращал внимание на задержку при избрании секретаря похоронной комиссии (то есть будущего генсека)³, Гришин же утверждал, что решение прошло гладко (причем даже заявлял, что Горбачев предложил ему стать председателем комиссии, но он отказался в пользу Горбачева)⁴. Видимо, здесь точнее Лигачев, чьи воспоминания насыщены значительным количеством деталей. Но оба они сходятся в главном – решение было принято единогласно, альтернативных кандидатур не было. Что касается возможности «абсолютно других решений», то надо понимать контекст, в котором прозвучали слова Лигачева – первый секретарь Коми обкома КПСС Владимир Мельников подверг публичной критике Громыко и Соломенцева, и Лигачев встал на их защиту, подчеркивая заслуги двух последних в приходе к власти Горбачева.

Кроме того, Лигачев сформировал «прогорбачевскую» группу из первых секретарей обкомов, которые прибыли в Москву на пленум, где должны были пройти выборы генсека⁵. Однако она могла играть роль только инструмента давления, причем куда более мягкого и опосредованного, чем действия сторонников Никиты Хрущева в 1957 г., когда он был вынужден противостоять сплоченному большинству в высшем партийном руководстве. Здесь не было ни такого большинства, ни даже альтернативной аппаратной группы. Нередко в качестве возможной альтернативы Горбачеву называют Григория Романова – бывшего главу ленинградского обкома партии. Романов с точки зрения сторонников жесткого курса обладал немалыми достоинствами – от организаторских способностей до политического консерватизма (в советском смысле этого слова). Еще при жизни Леонида Брежнева польский партийный лидер Эдвард Герек сообщил французскому президенту Валери Жискар д'Эстену, что Романов может стать следующим генсеком⁶. И хотя этого не произошло, но перевод Романова в Москву в качестве куратора ВПК, состоявшийся при Юрии Андропове, казалось, свидетельствовал о том, что он входит в число приоритетных кандидатов на первую роль.

На самом деле это назначение Романова стало началом конца его политической карьеры. Ленинградское начальство гордилось военно-промышленным потенциалом своего города, но он составлял лишь незначительную часть ВПК страны. Отраслевые министры, начинавшие свои карьеры еще при Сталине, не принимали всерьез амбициозного питерца, весьма приблизительно разбиравшегося в вопросах функционирования оборонной отрасли в целом. Не смог он выстроить отношения и с руководством Минобороны. Оторванный от родного города, Романов оказался одинок в столице, особенно после смерти Андропова. Свою роль сыграл и компромат – рассказы о якобы имевшей место роскошной свадьбе дочери Романова, организованной чуть ли не в Эрмитаже, – но на фоне более серьезных системных проблем он носил второстепенный

2 XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза. 28 июня – 1 июля 1988 года. Стенографический отчет. В двух томах. Т. 2. М.: Политиздат, 1988. С.85.

3 Лигачев Е.К. Борис был не прав. М.: Алгоритм, 2012. С.59.

4 Гришин В.В. От Хрущева до Горбачева. Политические портреты пяти генсеков и А.Н.Косыгина. Мемуары. М: АСПОЛ, 1996. С.305.

5 Лигачев Е.К. Борис был не прав. М.: Алгоритм, 2012. С.65, С.69.

6 Жискар д'Эстен В. Власть и жизнь. М.: Международные отношения, 1990. С.135.

характер. В июле 1985 г. Романов был снят со своего поста, что не вызвало никаких заметных последствий.

Московский партийный секретарь Гришин выглядел более сильной кандидатурой – Лигачев явно имел в виду его, говоря о других решениях. В последние месяцы правления Черненко Гришин был, пожалуй, самым близким к нему партийным деятелем, организовывал продвижение кандидатуры умирающего генсека в депутаты Верховного совета СССР от Куйбышевского района Москвы – видимо, он рассчитывал на реализацию сценария преемничества. Но с кончиной Черненко этот ресурс обнулится. Коалицию в Политбюро Гришин не создал. Зато привилегированное положение столицы вызывало раздражение не только у региональной партийной элиты, но и у представителей партийной верхушки, которые отвечали за общенациональную проблематику. Распространенная в относительно зажиточной Москве коррупция также не способствовала росту авторитета столичного лидера в среде партийной бюрократии. Снятие Гришина с должности в начале 1986 г. привело к масштабной чистке гришинских кадров в столице, проведенной под руководством нового столичного первого секретаря Бориса Ельцина.

Горбачев же был провинциалом, который умел выдвигать или подхватывать идеи. Так было в сфере его непосредственной компетенции (аграрной) с Продовольственной программой. В ноябре 1982 г. Андропов поручил ему, вместе с двумя другими секретарями ЦК, Владимиром Долгих и Николаем Рыжковым, «тщательно изучить сложившееся в экономике положение и подготовить предложения по ее реформированию», как вспоминал позднее Рыжков⁷. Горбачев в этой группе был главным – как единственный член Политбюро. Также Горбачев оценил значимость предложения о проведении пленума ЦК КПСС, посвященного научно-техническому прогрессу. Эта идея прекрасно вписывалась в контекст технологической модернизации. Впервые она была выдвинута в 1982 г., еще при жизни Брежнева. Андропов не успел решить этот вопрос. При Черненко пленум провести не удалось из-за сопротивления правительства Николая Тихонова, недовольного, что куратор сельского хозяйства не просто ведет экспансию на «чужую» территорию, но и фактически обвиняет правительство в недостаточной эффективности и несоответствии требованиям современной экономики. Член Политбюро Виталий Воротников называл Тихонова первым из тех, кто «неоднозначно» воспринял выход Горбачева на вторую роль в Политбюро после смерти Андропова (и лишь затем упоминал Гришина «или еще кого-то»)⁸.

Примечательно, что и при Горбачеве этот пленум не состоялся. Но вместо него 11 июня 1985 г. в ЦК КПСС собралось совещание по вопросам «ускорения научно-технического прогресса». Идея была в общих чертах сформулирована на апрельском пленуме 1985 г., носившем общеполитический характер. С программным докладом на совещании выступил сам новый генсек. В начале выступления он встроил тему ускорения в более широкий контекст, заявив, что «ускорение научно-технического прогресса партия рассматривает как главное направление своей экономической стратегии, основной рычаг интенсификации народного хозяйства и повышения его эффективности, а значит, и решения важнейших общественных вопросов». Далее следовала констатация «определенных трудностей» (стандартная советская формулировка), однако вслед за ней следовала системная критика «затратного», экстенсивного метода развития экономики. Горбачев раскритиковал не только отдельных министров, но и могущественный Госплан, причем последнему досталось многократно – и за отказ инвестировать достаточные средства в гражданское машиностроение, и за нерациональные вложения в экономику Красноярского края, и за другие грехи. В качестве альтернативы были обозначены ставка

7 Рыжков Н.И. Главный свидетель. М.: Эксмо; Алгоритм, 2009. С.12.

8 Воротников В.И. А было это так... Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М.: «Совет ветеранов книгоиздания», SI-MAR, 1995. С.58.

на то же гражданское машиностроение, экономия ресурсов, повышение качества выпускаемой продукции и дальнейшее сближение науки и производства⁹.

В принципе, к таким выводам могли бы прийти и три предшественника Горбачева – не случайно Брежнев еще в 1981 г. произнес придуманную Александром Бовиным фразу «Экономика должна быть экономной». Разумеется, ничего не было сказано о падении нефтяных цен – связывать этот фактор и состояние советской экономики стало бы верхом неполицорректности. Главным было другое – хотя Тихонов в речи Горбачева прямо не назывался, она стала преддверием смены премьера и «чистки» в правительстве. В сентябре 1985 г. Тихонов ушел в отставку, в январе 1986 г. за ним последовал председатель Госплана Николай Байбаков, пришедший в правительство еще во время Великой Отечественной войны и занимавший свой пост два десятилетия подряд.

На смену Тихонову пришел Рыжков, который был моложе его почти на четверть века. Он прошел классический путь советского управленца, которых тогда еще не называли технократами. В прошлом молодой и успешный директор Уралмаша, затем первый замминистра в союзном правительстве и первый заместитель Байбакова в Госплане. В 1982 г. Андропов сделал его секретарем ЦК по экономике. Добросовестный исполнитель, честный и искренний человек, долгое время полностью лояльный Горбачеву, он так и не стал стратегом, фактически плывя по течению и переходя от ускорения к развитию кооперации, а затем и к планово-рыночной экономике. Альтернативой называли более опытного Долгих – но он не был бы полностью послушен Горбачеву и так и не стал премьером, а в 1988 г. в возрасте 64 лет был отправлен на пенсию.

Новый председатель Госплана Николай Талызин получил ранг кандидата в члены Политбюро, которого никогда не было у Байбакова. Такое решение должно было повысить статус Талызина – но реального влияния это ему не прибавило. Академик Абел Аганбегян вспоминал, что «первого заместителя Рыжкова, руководителя Госплана, называли “почтальоном”, потому что раньше он работал в области почты и связи. У него не было никакого образования в деле планирования и экономики»¹⁰. Экономист и публицист Отто Лацис также критично относился к Талыzinу, упрекая его в нежелании активно взаимодействовать с экспертами¹¹. В то же время для сотрудников Госплана Талызин оказался чужаком, не понимавшим, с их точки зрения, механизмы работы «экономического мозга» страны и требовавшим сократить привычную отчетность.

На самом деле Талызин, разумеется, никогда не был «почтальоном» – до прихода в министерство связи он руководил работами по созданию в СССР первой в мире спутниковой системы телевизионного вещания «Орбита». В качестве министра также активно занимался внедрением спутниковой связи. Около пяти лет в качестве вице-премьера курировал отношения СССР и Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), объединявшего социалистические страны. Примечательно, что, судя по воспоминаниям бывшего замминистра внешней торговли Владимира Сушкова, еще в 1970-е гг. Талызин в личной беседе выступал за экономические реформы, свободу предпринимательства, частную собственность, закон о земле, правовое государство, права человека¹² – хотя трудно сказать, насколько далеко он был бы готов пойти в отстаивании подобных взглядов. В 1987 г. Талызин вспоминал на заседании Политбюро «прежние времена»: «любая новая идея в экономике воспринимается как подрыв чистоты социализма.

9 Горбачев М.С. Коренной вопрос экономической политики партии. Доклад на совещании в ЦК КПСС по вопросам ускорения научно-технического прогресса. 11 июня 1985 года. М.: Политиздат, 1985.

10 Цит. по: Харт Г. Россия потрясает мир. Вторая русская революция и ее воздействие на Запад. М.: Новости, 1992. С.182–183.

11 Лацис О.Р. Тщательно спланированное самоубийство. М.: Московская школа политических исследований, 2001. С.173–175.

12 Сушков В. Заключение по кличке «Министр». М.: Совершенно секретно, 1995. С.195-196.

Скажешь слово “прибыль”, “самокупаемость”, тут же тебя...» и резюмировал, что «в застойный период упущено много времени...»¹³. Но в 1988 г. во время дискуссии на Политбюро по поводу статьи Нины Андреевой (о которой будет сказано ниже) он сетовал на «перегибы в средствах массовой информации», в результате чего «отдельные корреспонденты присвоили право писать о чем угодно»¹⁴. Впрочем, сходная амплитуда настроений отличала и многих других реформаторов, включая Горбачева.

В реальности Талызин – без команды и технологичного плана реформ – мало что мог сделать, несмотря на все свои намерения. В начале 1988 года он был снят с поста председателя Госплана, недолго курировал в правительстве социальный блок, затем вернулся в СЭВ, в 1989 г. был в 60 лет отправлен на пенсию и вскоре умер. Сменивший его Юрий Маслюков воспринимался в Госплане как «свой» – он курировал в нем оборонку при Байбакове и куда активнее отстаивал интересы ведомства.

К началу 1986 г. – моменту созыва XVII съезда КПСС – Горбачев полностью контролировал ситуацию в партии и правительстве. Все три его оппонента в Политбюро – Романов, Гришин и Тихонов – сошли с политической арены.

13 В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985-1991) / Сост. А.Черняев (рук. проекта), А.Вебер, В.Медведев; Горбачев-Фонд. М. : Альпина Бизнес Букс, 2006. С.127.

14 Там же. С.302.

4.5. Внешнеполитический разворот

Ко времени прихода Михаила Горбачева на пост генерального секретаря ЦК КПСС СССР и США находились в состоянии холодной войны – в котором, впрочем, было все больше от «войны» и все меньше от «холода». Последняя встреча лидеров двух стран состоялась в 1979 г., за полгода до ввода советских войск в Афганистан, после чего США ввели санкции в отношении СССР. США и ряд их союзников бойкотировали Олимпиаду–1980 в Москве, СССР и ее союзники по Варшавскому договору (кроме Румынии) – Олимпиаду–1984 в Лос-Анджелесе. Осенью 1983 г. произошел ряд событий, еще более осложнивших отношения: США начали разворачивать свои ракеты средней дальности в ядерном оснащении на территории Великобритании, Италии, Бельгии, а бундестаг ФРГ одобрил их размещение и в Западной Германии. В свою очередь, СССР покинул женевские переговоры по разоружению, отменил введенный в 1982 г. мораторий на разворачивание аналогичных вооружений и объявил об ускорении размещения тактических ракет в ГДР и Чехословакии. Также СССР направил свои атомные подводные лодки с баллистическими ракетами на боевое патрулирование вблизи от побережья США. Той же осенью советские войска ПВО сбили над Сахалином южнокорейский пассажирский самолет (269 жертв), заподозрив его в осуществлении шпионской миссии.

По словам Анатолия Добрынина, многолетнего посла СССР в США, а при Горбачеве – секретаря ЦК КПСС, на момент своего прихода к власти «Горбачев не имел еще четкой программы в области внешней политики страны, хотя и выражал недовольство тем, что в ней отсутствовали динамизм и стратегический простор для широкого маневра с целью перелома опасного противостояния СССР и США и изменения общей напряженной международной обстановки»¹⁵. Такой взгляд был связан как с объективными обстоятельствами (советский бюджет «не тянул» огромные военные расходы), так и с субъективным фактором (отсутствие к тому времени у Горбачева предубеждения перед Западом – более того, интерес к заимствованию западного опыта).

Можно выделить два ключевых события, связанных с контактами Горбачева с ведущими западными политиками до избрания генсеком.

Первое – визит в Канаду в мае 1983 г. в качестве члена политбюро ЦК КПСС. Там он тесно общался с советским послом Александром Яковлевым и трижды встречался с премьер-министром Канады Эллиотом Трюдо, одним из самых ярких канадских политиков XX века. «Вместо одной запланированной встречи с Трюдо состоялось три. Причем две – сугубо неформальные, с продолжительными разговорами, далеко выходящими за рамки официальных встреч»¹⁶, – вспоминал позднее Яковлев, который находился в Канаде в фактической опале, если не ссылке (после того, как был изгнан из аппарата ЦК КПСС за публикацию статьи с критикой русского национализма).

Второе – визит в Великобританию в 1984 г. и встреча там с Маргарет Тэтчер. Горбачева вновь сопровождал Яковлев, возглавивший к тому времени крупнейший политологический центр Академии наук СССР – Институт мировой экономики и международных отношений. Похоже, что советская сторона планировала визит как часть кампании по нажиму на Великобританию с целью ослабить ее союзнические отношения с США. Поэтому Горбачев был снабжен в Москве картой Генштаба с указанием направлений ракетных ударов по Великобритании, которую он предъявил Тэтчер в качестве доказательства серьезности ситуации (аналогичный метод давления был применен в отношении канцлера ФРГ Гельмута Шмидта в 1975 г.). «Железная леди» на уступки не пошла, зато явно нашла общий язык с динамичным советским политиком, о

15 Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). М.: Автор, 1996. С.601.

16 Яковлев А.Н. Сумерки. М.: Издательство «Материк», 2003. С.354.

котором она уже слышала от Трюдо. Она сообщила Рональду Рейгану, что с Горбачевым «можно иметь дело»¹⁷.

Подготовка к встрече лидеров СССР и США началась сразу же после избрания Горбачева генсеком. Рейган направил ему формальное предложение посетить США, на что Горбачев уже 24 марта ответил письмом с согласием на личную встречу, причем без обязательства подписать в ходе встречи какие-либо документы. Такая позиция ускорила событие, которое должно было привести к размораживанию двусторонних отношений.

Первую встречу Горбачева и Рейгана готовил новый министр иностранных дел СССР. «Мистер Нет», как прозвали Андрея Громыко, был перемещен на почетный пост главы коллективного «президентства» – председателя президиума Верховного совета СССР. Это было «платой» за активную поддержку кандидатуры Горбачева на пост генсека, однако на этом Горбачев счел свои обязательства выполненными – Громыко не было позволено определить кандидатуру своего преемника. Позднее Горбачев вспоминал, что «Громыко рассчитывал выдвинуть на этот пост кого-то из дипломатов. Говорил о Корниенко, назвал и сам же отклонил Воронцова, в то время посла во Франции. Упоминалась и кандидатура Добрынина, хотя он его не жаловал, видимо, понимал, что тот во многом ему не уступает, а может быть и превосходит». В результате Горбачев прервал эти размышления и в одностороннем порядке назвал кандидатуру первого секретаря ЦК компартии Грузии Эдуарда Шеварднадзе, не имевшего никакого дипломатического опыта. Первая реакция Громыко, по словам Горбачева, была близка к шоку, но затем опытный аппаратчик не стал протестовать¹⁸.

Назначение Шеварднадзе показало, что Громыко терял всякое влияние на внешнеполитический курс, который становился горбачевским. «Это означает конец громыкинской монополии и власти МИДовского аппарата над внешней политикой»¹⁹, записал в своем дневнике помощник Горбачева Анатолий Черняев. Во время своего руководства грузинской парторганизацией Шеварднадзе умел сочетать жесткость и гибкость. Он сместил многих чиновников, заподозренных в коррупции, настоял перед Москвой на сохранении за грузинским языком статуса государственного, покровительствовал грузинской культуре... и преследовал диссидентов. Главное – он не принадлежал к школе дипломатии, созданной Вячеславом Молотовым, достигшей своего расцвета при Громыко и ориентированной на минимизацию компромиссов и стремление жестко навязать свою позицию. К 1985 г. для проведения такой политики уже не хватало ресурсов.

Незадолго до встречи с Рейганом Горбачев 5–6 октября совершил свою первую зарубежную поездку, посетив Париж, где встретился с президентом Франсуа Миттераном. Накануне визита Горбачев дал интервью французскому телевидению, в котором выдвинул концепцию Европы как общего дома с разными подъездами. Эту концепцию французский журналист тут же назвал голлистской – в ответ Горбачев заявил, что СССР придерживался ее еще задолго до де Голля²⁰ (возможно, что здесь играло роль не только стремление «застолбить» приоритет, но и нежелание раздражать социалиста Миттерана, чьи отношения с де Голлем были непростыми). В любом случае Горбачев демонстрировал открытость и стремление к компромиссам, что было адресовано не только Франции и европейцам, но и – опосредованно – США.

17 октября на заседании политбюро было принято принципиальное решение о необходимости подготовки ухода из Афганистана. «Исторический акт по Афганистану. Горбачев, наконец, решился кончать с этим... Зачитал несколько душераздирающих

17 Там же. С.370-371.

18 Горбачев М.С. Жизнь и реформы. М.: Новости, 1995. Книга 1. С.288.

19 Черняев А.С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 годы. М.: РОССПЭН, 2008. С.638.

20 Визит Генерального секретаря ЦК КПСС М.С.Горбачева во Францию. 2–5 октября 1985 года. Документы и материалы. М.: Политиздат, 1985. С.14–15.

писем. Все не анонимные. Там много всего: интернациональный долг?! А во имя чего? Сами-то афганцы хотят, чтобы мы выполняли этот долг? И стоит ли этот долг жизни наших парней, которые не понимают, за что они воюют?... Излагая все это, Горбачев явно нагнетал эмоции»²¹, - записал в дневнике Черняев. Обсуждение было секретным, уход растянулся более чем на три года, но принципиальное решение облегчало диалог с Западом.

19 ноября 1985 г. в Женеве состоялась первая встреча Горбачева и Рейгана. Перед встречей советская сторона решила «не гневить Рейгана, чтоб не усиливать угрозу, не подыгрывать ястребам»²². Как и ожидалось, к каким-либо обязывающим договоренностям на ней прийти не удалось. Ключевым вопросом была судьба Стратегической оборонной инициативы США (программы «звездных войн»). Горбачев настаивал на увязке пятидесятипроцентного сокращения стратегических наступательных вооружений с отказом от СОИ, Рейган выступал против такой увязки. Фактически стороны выдвинули «запросные» предложения с тем, чтобы прощупать реакцию оппонентов. В такой ситуации Горбачев мог позволить себе демонстрировать жесткость, адресованную не только американцам, но и – главное – собственным коллегам по Политбюро, которые должны были видеть, что новый генсек продолжает линию своих предшественников.

Такая жесткость не помешала обоим лидерам подписать итоговое заявление, ставшее главным результатом встречи. В нем стороны согласились с необходимостью поставить на регулярную основу и активизировать диалог на разных уровнях, что предусматривало продолжение контактов на высшем уровне, регулярные встречи министра иностранных дел СССР и государственного секретаря США, руководителей министерств и ведомств. Обе стороны заявили о своем стремлении к пятидесятипроцентному сокращению ядерных вооружений, к запрещению химического оружия. В заявлении также было сказано: «ядерная война никогда не может быть развязана, в ней не может быть победителей». По заключению Черняева, «произошло кардинальное: гонка вооружений продолжается, в военном противостоянии ничего не изменилось, а в международных отношениях наметился перелом, приблизились к признанию, что войны никто не начнет, к пониманию того, что нельзя дальше ее провоцировать ни во имя коммунизма, ни во имя капитализма».

Еще одна интересная оценка Черняева, актуальная для понимания не только результатов женевской встречи, но и последующих событий: «Горбачев дал нагоняй Корниенко и Червову за то, что они ковырялись в тексте Совместного заявления, скандалили с американцами по каждому пункту, навязывали им всякие наши формулировочки и чуть было не сорвали все дело – принятие Заявления»²³. Таким образом, сторонникам жесткого курса – давнему соратнику Громыко и генералу Генштаба – было дано понять, что традиционный для политики «Мистера Нет» подход более не актуален и пространство для компромиссов может расширяться.

После Женевы приоритеты сторон оказались различными. Горбачев предпринял имиджевое наступление, выдвинув 15 января 1986 г. программу полной ликвидации ядерного оружия до 2000 года. США, проигнорировав эту инициативу, делали ставку на продолжение экономического изматывания СССР – как с помощью гонки вооружений, так и договоренностей с Саудовской Аравией, которые способствовали дальнейшему падению нефтяных цен. В этой ситуации Горбачев стал все более склонен к уступкам. На закрытом совещании с дипломатическим корпусом 23–24 мая 1986 г. он рекомендовал дипломатам быть более инициативными и не превращать настойчивость в переговорах в «бессмысленное упрямство, когда бы о нас говорили: мистер “Нет”», фактически

21 Черняев А.С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 годы. М.: РОССПЭН, 2008. С.650.

22 Там же. С.655.

23 Там же. С.657.

призывая к ревизии курса Горько уже перед весьма широкой аудиторией, а не только давая «нагоняи» конкретным чиновникам.

Стремясь снизить непосильное для СССР бремя гонки вооружений, Горбачев выступил инициатором проведения новой встречи с Рейганом в Рейкьявике, которая состоялась 11–12 октября 1986 г. Горбачев изначально предложил «пакетную» сделку – сокращение на 50% стратегических наступательных вооружений, полную ликвидацию советских и американских ракет средней дальности в Европе, отказ США от программы СОИ. Тяжелые ракеты составляли основной военный ресурс СССР – поэтому американцы настаивали на их максимально возможном сокращении. Горбачев был готов пойти навстречу США в этом вопросе, что полностью расходилось с традиционным советским подходом. Готов он был договариваться с американцами и по принципиальному для них вопросу контроля (Рейган неоднократно цитировал понравившуюся ему русскую поговорку «Доверяй, но проверяй»), хотя это противоречило традиционной советской шпиономании.

Во время встречи Горбачев выдвинул еще более радикальное предложение, соответствовавшее публичной позиции СССР, – о полном уничтожении ядерного оружия в течение 10 лет. Неожиданно даже для членов американской делегации Рейган согласился – это было не тонкой игрой, а эмоцией президента. Фантастика могла стать реальностью с непредсказуемыми последствиями. Но в последний момент все предварительные договоренности были аннулированы – Рейган не стал отказываться от дальнейших работ по СОИ. «Ястребы» в США вздохнули с облегчением.

Еще одной особенностью советско-американского диалога к моменту проведения встречи в Рейкьявике стала его увязка с обсуждением вопросов прав человека, на чем настаивали США. В результате в 1986 г. в СССР была создана Комиссия по правам человека и гуманитарным вопросам, а в конце года из ссылки был освобожден академик Андрей Сахаров. Затем последовало освобождение еще 200 политзаключенных, увеличилась еврейская эмиграция.

После Рейкьявика СССР отказался от «пакетного» принципа в вопросах разоружения, что способствовало вычленению из «пакета» вопроса о сокращении ракет средней (а затем и меньшей) дальности без решения вопроса о СОИ. Переговоры об этом проходили в течение большей части 1987 г. и завершились подписанием в декабре договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД). Внешнеполитический разворот, таким образом, привел к тому, что от ограничения вооружений стороны перешли к их сокращению. Однако усиливалось и неприятие политики Горбачева и Шеварднадзе внутри страны – сторонники жесткого курса обвиняли их в уступках США.

4.5.1. Перестройка: политическая повестка «обновления» социализма

«Михаил Сергеевич Горбачев с самого начала, буквально с первой ночи, когда он пришел к власти, стал говорить о том, что нам нужно пересмотреть нашу политику, изменить, уточнить, приспособить ее к реальности»²⁴, – вспоминал его советник Вадим Загладин. Вслед за мартовским пленумом ЦК, на котором Горбачев был избран генсеком, прошел апрельский, который стал символическим. На нем впервые публично прозвучали слова «ускорение» и «перестройка», история которых затем была различна. Если про ускорение достаточно быстро забыли, то перестройка стала главной характеристикой горбачевского правления.

Официально пленум должен был стать одним из подготовительных этапов к XXVII съезду КПСС, состоявшемуся в феврале 1986 г. Сама стилистика доклада Горбачева на пленуме свидетельствовала о существенных переменах – больше внимания уделялось

24 Тольц В. Памяти Вадима Загладина (Сохраненное интервью). Радио Свобода. 26.11.2006. URL: <https://www.svoboda.org/a/316631.html>

нерешенным проблемам, чем отчетам о предыдущих успехах и обещанию будущих. Ключевое место отводилось ускорению социально-экономического развития страны. Само слово «перестройка» звучало только применительно к экономике. Ничего похожего на политические реформы не предлагалось – слова об активизации всей системы политических и общественных институтов, углублении социалистической демократии, народного самоуправления вполне вписывались в контекст привычной советской риторики. Более примечательным было положение о том, что курс на обеспечение стабильности партийного руководства не должен сопровождаться «застоем в движении кадров», так как «коммунисты в своих письмах в Центральный комитет обращают внимание на то, что некоторые руководители, занимая длительное время один и тот же пост, нередко перестают видеть новое, свыкаются с недостатками»²⁵. Это положение стало преддверием массовых кадровых перестановок, инициированных Горбачевым.

После апрельского пленума происходит первая поездка Горбачева в регион – Ленинград, еще недавно опору Романова, досиживавшего последние недели в кресле члена Политбюро и отстраненного от всех дел. Горбачев ломал привычные каноны, согласно которым генсек встречался исключительно со специально отобранными и проверенными представителями народа. С этого момента неформальное общение с народом стало фирменным стилем генсека, принесшим ему на первых порах немалую популярность. В Ленинграде Горбачев впервые «деэкономизировал» понятие перестройки, заявив, что всем нам надо перестраиваться. Но прямых политических меседжей не было и здесь.

4.5.2. Возвращение к десталинизации и ревизия истории: гуманизация социализма

8 мая 1985 г. Горбачев выступает на торжественном собрании, посвященном 40-летию Победы в Великой Отечественной войне. Здесь он в первый и последний раз в качестве генсека упоминает в положительном контексте Сталина – и зал взрывается продолжительными аплодисментами²⁶. Кажется, что продолжается курс на ползучую ресталинизацию, проводившийся в 1965–1985 гг., когда Сталин все чаще предстал на теле- и киноэкранах мудрым вождем – при бурном одобрении не только со стороны немалой части партийной номенклатуры, но более широких масс. Сам Горбачев в 1984 г. не только поддержал на заседании Политбюро восстановление в партии Вячеслава Молотова (хотя и предложил не публиковать официально информацию об этом), но и пошел дальше, согласившись с восстановлением партийного членства и Георгия Маленкова, и Лазаря Кагановича (впрочем, так и не состоявшимся). Похоже, что он не хотел ссориться с влиятельным Громыко, выступившим в поддержку этой идеи. Впрочем, к идее министра обороны Дмитрия Устинова об обратном переименовании Волгограда в Сталинград Горбачев отнесся скептически, осторожно отметив, что в этом предложении есть и положительные, и отрицательные моменты²⁷.

Сделанную Горбачевым в конечном счете ставку на десталинизацию легко связать исключительно с субъективными факторами – например, с влиянием Яковлева или с биографией самого Горбачева, выходца из крестьянской семьи, оба деда которого были подвергались репрессиям. Однако возникает вопрос: можно ли вообще было бы обойти сталинскую тему – конфликтную и вызывающую множество разногласий. Во-первых, это соответствовало бы пассивному, инерционному брежневскому подходу, с которым

²⁵ Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева «О созыве очередного XXVII съезда КПСС и задачах, связанных с его подготовкой и проведением». URL: <http://www.historyru.com/doc/persons/gor/docorg/doc3.html>.

²⁶ Горбачев М.С. Бессмертный подвиг советского народа. Доклад на торжественном собрании в Кремлевском Дворце съездов, посвященном 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. 8 мая 1985 года. М.: Политиздат, 1985. С.12.

²⁷ Ремник Д. Могила Ленина. Последние дни советской империи. М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2017. С.551–552.

Горбачев решительно рвал. Во-вторых, важно было привлечь на свою сторону ценную и ресурсную целевую аудиторию – либеральную советскую интеллигенцию. При этом потенциальным союзникам надо было пойти навстречу, дать тему для дискуссий, которая не привлекала внимания к ухудшающемуся состоянию экономики, не ставила бы вопрос о степени ответственности и компетентности действующего руководства, а носила бы исторический, но при этом ярко выраженный эмоциональный характер. Для либеральной советской интеллигенции. «шестидесятников», читателей Стругацких и поклонников битлов, такой темой была персона и политика Сталина, неразрывно связанные с тоталитаризмом.

Горбачев в антисталинской кампании действовал в духе XX съезда, то есть противопоставлял «плохого» Сталина «хорошему» Ленину, к работам и опыту которого он часто апеллировал. Был ли Горбачев в этом искренен? Многие его оппоненты считают, что нет, и генсек с самого начала хотел демонтировать компартию и ленинизм. С таким взглядом трудно согласиться – для сформировавшегося в советской традиции и мало связанного с интеллектуальным слоем Горбачева Ленин был высшим авторитетом. Другое дело Яковлев, который был частью этого слоя. В предисловии к «Черной книге коммунизма» он описал себя как аналог героя поэмы польского поэта Адама Мицкевича Конрада Валленрода – литовца, ставшего великим магистром Тевтонского ордена, чтобы его погубить. По словам Яковлева,

«После XX съезда в сверхузком кругу своих ближайших друзей и единомышленников мы часто обсуждали проблемы демократизации страны и общества. Избрали простой, как кувалда, метод пропаганды «идей» позднего Ленина. Надо было ясно, четко и внятно вычленить феномен большевизма, отделив его от марксизма прошлого века. А потому без устали говорили о «гениальности» позднего Ленина, о необходимости возврата к ленинскому «плану строительства социализма» через кооперацию, через государственный капитализм и т. д. Группа истинных, а не мнимых реформаторов разработала (разумеется, устно) следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и «нравственным социализмом» — по революционаризму вообще. Начался новый виток разоблачения «культы личности Сталина». Но не эмоциональным выкриком, как это сделал Хрущев, а с четким подтекстом: преступник не только Сталин, но и сама система преступна... Советский тоталитарный режим можно было разрушить только через гласность и тоталитарную дисциплину партии, прикрываясь при этом интересами совершенствования социализма. Уже в начале перестройки были изданы десятки ранее запрещенных книг: «Ночевала тучка золотая» Приставкина, «Белые одежды» Дудинцева, «Дети Арбата» Рыбакова и многие другие, выпущены на экран около 30 фильмов, тоже ранее запрещенных, в том числе «Покаяние» Т.Абуладзе. Появилась свободная печать²⁸».

Впрочем, яковлевская версия нуждается в критическом комментарии. Вряд ли после XX съезда у Яковлева и его друзей был столь продуманный план. Скорее речь шла о другом – постепенном разочаровании части партийных интеллектуалов не только в Сталине, но и в коммунизме в целом, включая и Ленина. Такая позиция получала дополнительное обоснование в условиях тесных контактов с представителями европейской социал-демократии, обогащения взглядов их идеями. Свою роль играла и эволюция ряда европейских компартий в направлении еврокоммунизма, предусматривавшего отказ от революционаризма (пользуясь терминологией Яковлева) и догматизма (уже позднее, в начале 1990-х гг., ведущая еврокоммунистическая сила – Итальянская компартия – отказалась от следования коммунистической идеологии). Да и отношение к Ленину различных интеллектуалов из команды Горбачева было разным – в

28 Яковлев А.Н. Большевизм – социальное бедствие XX века. / С.Куртуа, Н.Верт, Ж-Л.Панне, А.Пачковский и др. Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии. М.: Три века истории. 1999. С.14-15.

июне 1986 г. в своем дневнике помощник генсека Черняев комплиментарно называл Горбачева «мини-Лениным»²⁹.

Немалую роль в политических решениях Горбачева – в том числе и десталинизации – сыграл феномен «эксперткратии». В первый раз за всю историю СССР представители экспертного сообщества в массовом порядке были рекрутированы на должности, предусматривающие не только консультирование «первых лиц», но и непосредственное влияние на принятие решений. Политологи Александр Яковлев и Евгений Примаков, экономист Вадим Медведев, философ Иван Фролов входили в состав высшего руководства страны. Изменился функционал помощников генерального секретаря ЦК – если ранее они занимались обеспечением текущей деятельности генсека, то при Горбачеве интеллектуалы Георгий Шахназаров и тот же Черняев стали активно влиять на выработку стратегического курса. Все они были активными сторонниками десталинизации.

Основными составляющими десталинизации были:

Во-первых, возобновление процесса массовой реабилитации жертв политических репрессий. 28 сентября 1987 г. по инициативе Горбачева и Яковлева была создана комиссия Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных со сталинскими репрессиями. Первоначально ее возглавлял глава Комитета партийного контроля Михаил Соломенцев, затем – сам Яковлев, который дал ее работе новый мощный импульс. Новая реабилитация была значительно более широкой, чем хрущевская. Признавались незаконными все массовые репрессии по политическим, социальным, идеологическим и национальным мотивам. Главным стало быстрое переосмысление понятия «массовые репрессии» в солженицынском духе – от преследований «верных ленинцев», реабилитированных в хрущевское время, к трагедии всего народа, жертвами которой стали преимущественно простые люди.

Были реабилитированы лидеры внутривнутрипартийных оппозиций – Лев Каменев, Григорий Зиновьев, Николай Бухарин, Алексей Рыков и другие. Публиковались секретные архивные документы, проливающие свет на не известные до сих пор страницы советской истории. 11 июля 1988 г. Политбюро поручило прокуратуре и КГБ реабилитировать всех необоснованно репрессированных. 16 января 1989 г. указом Президиума Верховного совета СССР были отменены все приговоры, вынесенные во внесудебном порядке (печально знаменитыми «тройками» и органами НКВД). 13 августа 1990 г. Горбачев, уже в качестве президента СССР, подписал указ «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 1920-х – 1950-х годов».

Во-вторых, публикация ранее запрещенных книг, о которой упоминал Яковлев. Для такой «литературоцентричной» страны, как СССР, это было значительным событием, возник эффект «сокрытой правды» и ее раскрытия. Произошло снятие многочисленных табу – не только на осуждение сталинизма, но и на дискуссии о путях развития страны в XX веке в целом. «Зубр» Даниила Гранина ставил вопрос о возможности независимости ученого не только от власти, но и от «мнения народного», и рвал с укоренившейся традицией, подчеркивавшей необходимость служения народу и восходившей еще к дореволюционным временам. В «Детях Арбата» Анатолия Рыбакова противопоставлялись люди системы (строители советской власти) и свободно мыслящие личности, сохранившие внутреннюю независимость. Публикация романа Александра Бека «Новое назначение», написанного еще в 1964 г., породила дискуссию об административно-командной системе, деформировавшей экономику и ломавшей человеческие судьбы. Правда, публикация «Архипелага ГУЛАГ» откладывалась из-за разногласий в партийном руководстве – в результате избранные главы книги Александра Солженицына были

29 Черняев А.С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 годы. М.: РОССПЭН, 2008. С. 683.

опубликованы в «Новом мире» только в середине 1989 г., а полное издание вышло в следующем году.

В-третьих, снятие табу в исторических исследованиях. Первоначально события стали внешне развиваться по аналогии с 1950-ми гг. – появились апологетические работы о том, что реабилитированных соратниках Ленина, таких как Бухарин и Рыков, минус привычно менялся на плюс. Но одновременно начались и более плодотворные дискуссии – возобновилось прерванное на два десятилетия после запрета книги Александра Некрича «1941. 22 июня» обсуждение вопроса о причинах поражений Красной армии на первоначальном этапе Великой Отечественной войны. Реабилитация Бухарина позволила перейти к дискуссиям по поводу коллективизации и ответственности Сталина (и советской власти) за гибель миллионов крестьян во время голода.

В-четвертых, массовые публикации о преступлениях Сталина – а затем шире, и советской власти – в СМИ (здесь наиболее активную роль играл журнал «Огонек», но и многие другие издания вносили свой вклад в этот процесс). Стали появляться антисталинские фильмы – одним из наиболее удачных можно считать «Холодное лето 1953 года», в котором свою последнюю роль, ссыльного инженера, сыграл великий актер Анатолий Папанов.

Десталинизация проходила на фоне общего увеличения интереса к истории России – крайне популярными стали подписки на собрания сочинений Сергея Соловьева и Василия Ключевского (впрочем, после получения первых томов этих многотомников, вовсе не рассчитанных на широкую аудиторию, интерес к ним упал). Одним из центров общественной жизни Москвы стал историко-архивный институт (впоследствии РГГУ), ректором которого в 1986 г. был назначен один из будущих лидеров демократической оппозиции Юрий Афанасьев. В нем проходили собиравшие широкую аудиторию публичные чтения «Социальная память человечества».

Центральным событием десталинизации должен был стать доклад Горбачева к 70-летию Октября, репетицией которого было выступление генсека на октябрьском пленуме ЦК 1987 г. Начав с похвалы «руководящему ядру» партии (во главе со Сталиным) за выбор правильной стратегии и тактики развития страны, генсек перешел к системной критике методов сталинизма, отделяя их от «ленинского курса». Горбачев осудил репрессии в отношении не только верных сторонников генеральной линии партии (то есть тех, кто успевал за ее многочисленными изменениями), но и бывших членов различных оппозиций. Были политически реабилитированы лидеры «правой» оппозиции во главе с Бухариным. Преступления Сталина были осуждены, вина «вождя народов» и его ближайшего окружения признана непростительной. В то же время было сказано, что «сурово и нелюбезно критикуя конкретные ошибки той или иной личности, мы никоим образом не распространяем эти оценки на партию, на народ, на миллионы честных людей, которые самоотверженно трудились и воевали, верили партии, боролись за идеалы нового общественного строя»³⁰. И далее – о необходимости твердо идти путем ленинизма.

Однако такая схема (весьма похожая на описанную Яковлевым), продержалась недолго. Уже в 1988 г. началась прямая критика Ленина. А эффект от самого выступления генсека оказался смазанным – главным событием октябрьского пленума стало неожиданное бунтарское выступление Бориса Ельцина, говорившего не об истории, а о современных проблемах буксующей перестройки. С моральной точки зрения было сделано большое благородное дело – с политической же Горбачев не

30 Из выступления М.С.Горбачева на октябрьском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС. 21.10.1987 // Реабилитация: как это было. середина 80-х – 1991. URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/66061>

получил результатов, на которые рассчитывал. У либеральной интеллигенции появлялся новый герой.

4.5.3. «Гласность»: истоки, шаги и последствия

Истоки «гласности» можно искать в опыте стран Восточной Европы. Дискуссии в «кружке Петёфи», предшествовавшие венгерской революции 1956 г. и создававшие идеологическое и политическое обеспечение для трансформации Имре Надя из партийного бюрократа в претендента на роль общенационального лидера. «Пражская весна» и связанная с ней бурная активность интеллигенции. Польская интермедия между Гереком и Ярузельским в 1980–1981 гг., также характеризовавшаяся сходными процессами. Все эти феномены были краткосрочными – советские танки в Венгрии и Чехословакии восстановили доминирование СССР в этих странах, а в Польше военное положение ввели местные генералы – как они позднее утверждали, чтобы предотвратить советское вмешательство. Кроме того, если в Чехословакии общественные дискуссии по ранее табуированным темам начались при поощрении со стороны высшего партийного руководства, то в Венгрии и Польше – в условиях дискредитации и эрозии действующей власти.

Гласность в СССР была похожа на чехословацкий эксперимент (в котором активно участвовал Зденек Млынарж, учившийся вместе с Горбачевым в МГУ), но отличалась от него главным – она была начата не на периферии, а в центре социалистического лагеря. Соответственно, осуществлять внешнее вмешательство было некому. Внутреннее же произошло только 19 августа 1991 г., в политической ситуации, уже принципиально отличавшейся от февраля 1986 г., когда на XXVII съезде КПСС Горбачев выдвинул концепцию гласности. Первоначально она выглядела вполне совместимой с советской политической моделью, так как мало отличалась от привычной «критики и самокритики». Как заявил Горбачев,

Принципиальным для нас является вопрос о расширении гласности. Это вопрос политический. Без гласности нет и не может быть демократизма, политического творчества масс, их участия в управлении. Это, если хотите, залог государственного, пронизанного чувством ответственности отношения к делу десятков миллионов рабочих, колхозников, интеллигентов, исходный пункт психологической перестройки наших кадров. Иной раз, когда речь идет о гласности, приходится слышать призывы поосторожнее говорить о наших недостатках и упущениях, о трудностях, неизбежных в любой живой работе. Ответ тут может быть только один, ленинский: коммунистам всегда и при всех обстоятельствах нужна правда. Опыт последнего года показал, сколь решительно советские люди поддерживают бескомпромиссную оценку всего, что мешает нам идти вперед. А вот тем, кто привык работать спустя рукава, заниматься очковтирательством, действительно неуютно при свете гласности, когда все, что делается в государстве и обществе, находится под контролем народа, на виду у народа. Поэтому нам надо сделать гласность безотказно действующей системой³¹.

Вряд ли делегаты съезда могли себе представить, что гласность, призванная в рамках данной логики призвать к ответу зарвавшихся бюрократов, приведет к появлению на экранах фильма «Маленькая Вера», а в прессе – публикаций, обвиняющих в коррупции членов Политбюро ЦК КПСС. Впрочем, сама риторика Горбачева свидетельствует о том, что даже такая ограниченная гласность вызывала неприятие у части номенклатуры, привыкшей к совершенно другому балансу между успехами и «отдельными недостатками».

Политика гласности проходила в условиях, когда за идеологическую работу в партийном руководстве отвечали антиподы – Егор Лигачев и Яковлев. Первый старался

³¹ XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 25 февраля – 6 марта 1986 года. Стенографический отчет. Т.1. М.: Политиздат, 1986. С.83.

сдержать политику гласности, второй являлся главным ее проводником. Гласность началась с кадровых перемен. На всю страну прогремела история с состоявшимся 13 мая 1986 г. V съезде Союза кинематографистов СССР, выборы на который по требованию членов Союза, позиционировавших себя в качестве сторонников перестройки и гласности, носили конкурентный характер (ранее таких делегатов избирали по спискам, заранее согласованным в партийных органах). В результате делегатами не были избраны мэтры советского кинематографа – от Сергея Бондарчука до Станислава Ростоцкого. Они все же присутствовали на съезде как руководители Союза предыдущего состава, но попытки сохранить за ними их посты завершились неудачей. Был свергнут глава Союза Лев Кулиджанов, руководивший им два десятилетия. Непосредственные кураторы кинематографической отрасли были в шоке от такой «революции». Но необходимо отметить, что «черную метку» Кулиджанов получил за несколько месяцев до этого, во время выступления на XXVII съезде, когда его дежурные комплименты в отношении Горбачева были неожиданно прерваны генсеком, предложившим воздержаться от них, что вызвало явное смущение заслуженного режиссера.

Новое руководство Союза во главе с Элемом Климовым выступило против цензуры и за свободу самовыражения. «Отвратительный внутренний цензор умер во мне прямо во время этого съезда», – говорил режиссер Сергей Соловьев³². С полком были сняты фильмы, которые власти в свое время посчитали недостаточно соответствующими советской идеологии – в том числе «Комиссар» Александра Аскольдова и «Интервенция» Геннадия Полоки. Климов добился разрешения на показ «Покаяния» – пожалуй, главного фильма перестройки. Вскоре после съезда Соловьев снял «Ассу» – культовый фильм тогдашней молодежи с участием рок-звезд, вырвавшихся из клубов и квартир на «большие экраны».

Однако выстроить новую экономическую модель, которая позволила бы кинематографу работать без масштабной государственной поддержки, не удалось – да это и не могло получиться. Массовый зритель прохладно отнесся к новому авторскому кино – точно так же, как до этого он «голосовал ногами» против официальных киноэпопей последних лет «застоя» типа «Победы» Евгения Матвеева или «Красных колоколов» Бондарчука. В этом споре победил Голливуд, чьи фильмы вскоре стали обильно показывать в открывшихся видеосалонах. Упрощенная схема «прогрессисты–реакционеры» постепенно стала уступать место другой, не менее несправедливой, где в центре внимания оказались обиженные мэтры, имевшие реальные заслуги перед отечественным искусством, а любая критика в их адрес стала считаться травлей – активным сторонником этого подхода стал Никита Михалков, безуспешно пытавшийся вступить на съезде за Бондарчука. Хотя стоит отметить, что потерявшие властные позиции режиссеры не столкнулись с запретом на профессию. Но их аппаратные возможности, от которых зависело финансирование фильмов, резко уменьшились (впрочем, это было связано и с общей плачевной ситуацией в экономике).

В отличие от крайне противоречивой ситуации в кинематографе, гласность дала мощный импульс развитию театрального искусства, где не было конкуренции Голливуда. В том же 1986 г. Всероссийское театральное общество было преобразовано в Союз театральных деятелей РСФСР. Его председателем вместо Михаила Царева (главы Малого театра и руководителя общества с 1964 г.) стал Михаил Ульянов, один из наиболее активных сторонников перестройки среди театральных деятелей. После этого в стране появилось огромное количество новых театров, эксперименты в которых оказали большое влияние на театральную жизнь в целом. Но революция и здесь не прошла безболезненно. На XIX партконференции писатель Юрий Бондарев прямо обвинил

³² Бессмертная М., Плахов А. Режиссерская версия перестройки. К 30-летию Пятого съезда Союза кинематографистов // «Коммерсантъ Weekend». 13.05.2016.

сторонников перестройки в кончине Царева – тот умер в 1987 г., немного не дожив до 84 лет³³.

На съезде Союза писателей внутренней «революции» не произошло – многолетний первый секретарь Георгий Марков переместился на пост председателя. Его сменил Владимир Карпов, более благожелательно относившийся к гласности, но не принадлежавший к числу ее активных сторонников. Состав нового руководства союза стал результатом компромисса между писателями разных взглядов – «либералами», «почвенниками», «ортодоксами». Тогда «либералы», не выходя из союза, решили создать новую организацию – объединение писателей в поддержку перестройки «Апрель». Она оформилась в 1987 г. и стала одной из ведущих дискуссионных площадок, объединявших сторонников гласности.

Так или иначе, один за другим рушились, казалось бы, незыблемые бастионы. Издается массовым тиражом полузапретный роман «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова. В 1987 г. журнал «Знамя» публикует совсем уже запретную булгаковскую повесть «Собачье сердце», содержащую резкую критику большевистской власти. Уже в следующем году на экраны вышел снятый по ней художественный фильм с Евгением Евстигнеевым в главной роли, ставший классическим (а подчеркнуто несоветский профессор Преображенский стал на некоторое время кумиром советской интеллигенции и особенно интеллигентной молодежи). В 1988 г. в стране впервые был официально опубликован «Доктор Живаго» Бориса Пастернака, запрещенный еще при Хрущеве. Происходит литературная реабилитация Николая Гумилева (по делу о контрреволюционном заговоре его реабилитируют только после крушения СССР). На этом фоне официальная советская литература в стиле соцреализма становилась еще менее конкурентоспособной.

В театральной сфере огромную популярность получила пьеса Михаила Шатрова «Дальше... дальше... дальше!». В отличие от вышеупомянутых книг, она выглядела произведением, написанным на злободневную тему. Отрицательный Сталин противостоял положительным Ленину, Бухарину, Дзержинскому и Орджоникидзе. Неудивительно, что сценическая судьба пьесы оказалась громкой, но недолгой. Но интереснее другое. Во-первых, Ленин предстал в ней человеком со своими достижениями и ошибками – образ вождя терял агиографические черты. Во-вторых, слово в пьесе было предоставлено и широкому кругу оппонентов Ленина – от генерала Лавра Корнилова до революционерки Марии Спиридоновой (хотя некоторые фразы, вложенные Шатровым в их уста, выражали авторскую позицию). В любом случае это был разрыв с советской традицией, ставший возможным в условиях гласности. Неудивительно, что в опубликованной 15 февраля 1988 г. в «Правде» статье историки Г.Герасименко, О.Обичкин и Б.Попов отмечали, что в пьесе Шатрова «все строительство социализма в нашей стране представлено кабинетным спором в предельно запутанном историческом контексте, где нет ни врагов, ни союзников, ни правых, ни виноватых – есть подсудимые большевики и их судьи – белые генералы, меньшевики и эсеры»³⁴.

В сентябре 1987 г. «Московские новости» публикуют некролог умершего писателя – эмигранта третьей волны Виктора Некрасова. Текст был подписан Григорием Баклановым, Булатом Окуджавой, Вячеславом Кондратьевым и Владимиром Лакшиным. Яковлев дал на него санкцию, Лигачев выступил против. К тому времени оба как члены Политбюро имели равный аппаратный вес – и Лигачев мог лишь устроить разнос главреду газеты Егору Яковлеву. По нынешним временам подцензурный, тщательно выверенный текст выглядит скромно и несколько странно – в нем подчеркивается дистанция, отделяющая подписантов от антисоветского писателя («Его отъезд за границу и

33 XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза. 28 июня – 1 июля 1988 г.: Стенографический отчет. В 2 т. Т.1. М.: Политиздат, 1988. С. 227.

34 Герасименко Г., Обичкин О., Попов Б. Неподсудна только правда // Правда. 15.02.1988.

некоторые выступления там в первые годы его эмиграции отдалили его от нас»). Но рядом были первые за все время после эмиграции Некрасова теплые слова о нем: «Автор повести “В окопах Сталинграда”, офицер саперного батальона, он стоял у истоков правдивого и честного слова в нашей литературе о войне»³⁵.

Так вопрос о пределах гласности, об освещении острых вопросов и табуированных темах расколол Политбюро, причем, казалось бы, по второстепенному вопросу. Впрочем, недооценивать его не стоит, так как создавался прецедент – и это понимали и Яковлев, и Лигачев. Решающий бой между ними по поводу судьбы гласности был неизбежен – тем более что гласность все более затрагивала не только исторические темы, но и текущие интересы партийной номенклатуры. Поводом для открытого сражения стала статья ленинградского преподавателя химии Нины Андреевой «Не могу поступаться принципами», опубликованная в «Советской России» 13 марта 1988 г. Значительная часть статьи была посвящена защите Сталина, но ее смысл был существенно шире, чем только реакция на десталинизацию: «Как представляется, сегодня вопрос о роли и месте социалистической идеологии принял весьма острую форму. Авторы конъюнктурных поделок под эгидой нравственного и духовного “очищения” размыывают грани и критерии научной идеологии, манипулируя гласностью, насаждают внесоциалистический плюрализм, что объективно тормозит перестройку в общественном сознании»³⁶, – утверждала автор.

Появление статьи породило версию, будто Андреева – подставная фигура, а текст был подготовлен командой Лигачева. На самом деле Андреева лично написала статью, которая пришлось даже несколько смягчить при подготовке к публикации (так как автор была гораздо более радикальной сталинисткой, чем Лигачев и его соратники – позднее она основала собственную сталинистскую партию). Однако предварительное согласование публикации с Лигачевым и особенно активное продвижение статьи в публичном пространстве как «установочной», ее перепечатки в региональной прессе, рекомендации изучать ее в системе партийного просвещения действительно «масштабировали» этот текст и превратило его в символ неприятия политики гласности.

23–25 марта члены Политбюро обсуждали статью Андреевой. В первый день обсуждение проходило в кулуарах съезда колхозников, носило импровизированный характер и сразу же показало, что статья пользуется весьма широкой поддержкой – по словам Яковлева, ее одобрили Воротников, Громыко, разумеется, Лигачев, к ним стали склоняться Соломенцев и глава КГБ Чебриков. Процесс был неожиданно прерван Горбачевым, который жестко отмежевался от идей Андреевой и предложил обсудить статью на официальном заседании Политбюро. На следующий день оно состоялось, и после антисталинского монолога Горбачева импровизированная коалиция сторонников статьи тут же рассыпалась. Союзники Лигачева стали дезавуировать свои высказывания, сам Лигачев не решился прямо защитить статью, хотя и подверг критике обсуждение в обществе табуированных ранее тем (от сталинизма до многопартийности). 25 марта дискуссия продолжилась, причем целый ряд участников заседания – в том числе выдвигенец Горбачева Анатолий Лукьянов – подвергли критике деятельность СМИ. Однако и на этот раз никто не решился поддержать статью Андреевой, не желая нарушать принцип единства партии, который успешно использовал Горбачев. Своего Ельцина, готового пойти на риск, среди противников гласности не нашлось³⁷.

Результатом трехдневных дискуссий стала победа Яковлева. 5 апреля в «Правде» появилась подготовленная им редакционная статья «Принципы перестройки, революционность мышления и действий», дезавуирующая статью Андреевой. «Советская

35 Умер Виктор Некрасов // Московские новости. 13.09.1987.

36 Андреева Н.А. Не могу поступаться принципами // Советская Россия. 13.03.1988.

37 В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985-1991) / Сост. А.Черняев (рук. проекта), А.Вебер, В.Медведев; Горбачев-Фонд. М. : Альпина Бизнес Букс, 2006. С. 299-307.

Россия» была обвинена в попытке «исподволь ревизовать партийные решения» – то есть использование возможностей гласности ее противниками было на время ограничено. На XIX партийной конференции летом 1988 г. была принята подготовленная под руководством Яковлева специальная резолюция «О гласности», в которой ее дальнейшее развитие было названо «одной из важнейших политических задач». Было указано, что «следует расширять гласность на всех стадиях их деятельности, планирования и управления, изучать и учитывать общественное мнение, практиковать публичное обсуждение общегосударственных и региональных экономических, национальных, молодежных, экологических, социальных и других проблем»³⁸. Никакой критики гласности в тексте не было – и это в условиях, когда на самой конференции главный редактор журнала «Огонек» Виталий Коротич публично передал Горбачеву пакет с компрометирующими материалами на партийных чиновников высокого ранга, поступившими от следователей Генеральной прокуратуры Тельмана Гдляна и Николая Иванова, что вызвало явное недовольство присутствующих в зале функционеров. Но те были слишком деморализованы, чтобы настоять на хотя бы частичном осуждении политики гласности.

За победу пришлось заплатить. Еще во время обсуждения статьи Нины Андреевой на Политбюро Рыжков раскритиковал ситуацию, в которой за идеологию отвечают сразу два члена Политбюро. На сентябрьском пленуме «двоевластие» было устранено – Лигачеву поручили сельское хозяйство, Яковлеву – международные связи. Новым главным идеологом стал Вадим Медведев – более умеренный политик, чем Яковлев, но при этом полностью лояльный Горбачеву и выступивший в качестве твердого сторонника гласности во время апрельских дискуссий в Политбюро. Тем временем гласность все более перерастала в свободу слова – уже в 1989 г., после первых конкурентных выборов народных депутатов СССР, информационный плюрализм стал быстро выходить из-под контроля власти.

4.5.4. СМИ и общественные настроения

СМИ стали основным инструментом политики гласности. В ее рамках значимые кадровые изменения произошли в руководстве крупнейших художественно-публицистических журналов, игравших в позднесоветские годы роль наиболее авторитетных информационных и идеологических ресурсов. В начале 1986 г. со своего поста был смещен главный редактор «Огонька», твердый консерватор Анатолий Софронов, руководивший журналом с 1953 г. Его преемником стал украинский писатель Виталий Коротич, считавшийся протеже Яковлева. Впрочем, сам Коротич считает, что его кандидатура была предложена Яковлеву поэтом Робертом Рождественским, отказавшимся от предложения стать главным редактором. Примечательно, что вопрос о назначении Коротича решался совместно Яковлевым и Лигачевым – тогда они еще не были антагонистами. У Лигачева не было оснований сомневаться в верности Коротича партийному курсу – ведь тот был автором антиамериканской книги «Лицо ненависти» (впрочем, и книга самого Яковлева «От Трумэна до Рейгана: Доктрины и реальности ядерного века» была жестко критична в отношении политики США – хотя, в отличие от произведения Коротича, неэмоциональна и основана на большом количестве источников). Позднее Лигачев сокрушался о своей ошибке – но было поздно.

«Огонек» стал ключевым массовым популярным изданием, продвигавшим идеи перестройки, не только разоблачавшим сталинские преступления, но и публиковавшим сенсационные материалы на современные темы – например, о коррупции в Узбекистане. Главными литературными журналами, продвигавшими идеи гласности, стали «Новый мир» и «Знамя», в которых также сменились главные редакторы. «Новый мир» возглавил

38 XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза. 28 июня – 1 июля 1988 г.: Стенографический отчет. В 2 т. Т.2. М.: Политиздат, 1988. С.168.

Сергей Залыгин, ставший первым беспартийным руководителем крупного литературного журнала. Залыгин был успешным советским писателем, но при этом в его романах о гражданской войне в Сибири и ее последствиях содержались существенные отступления от партийной ортодоксии. Кроме того, он был одним из лидеров экологического движения, сорвавшего амбициозный проект переброски северных рек на юг, чреватый тяжелыми последствиями для природы. «Знамя» возглавил писатель-фронтовик Григорий Бакланов, стремление которого отстаивать «окопную правду» уже давно приводило к конфликтам с властями. Тиражи журналов быстро росли – например, в 1991 г. тираж «Нового мира» достиг невероятных 2,7 млн экземпляров. Залыгин, Бакланов, другие главные редакторы «перестроечных» журналов открыли читателям мир ранее запретной прозы и поэзии.

«Новому миру» и «Знамени» идеологически противостоял «Наш современник» – журнал, вокруг которого группировались сторонники национально-патриотических взглядов, поощряемые писателями, руководившими этим изданием (Сергеем Викуловым и Станиславом Куняевым). Они крайне негативно относились к политике гласности, считая ее сторонников «сионистскими агентами» (за этим определением скрывался банальный антисемитизм). Александр Яковлев вызывал у них персональную ненависть. Но, парадоксальным образом, деятельность национал-патриотов также способствовала деградации СССР и ослаблению власти КПСС. Они критиковали демократов за идеализацию Бухарина и других репрессированных соратников Ленина (от которой те вскоре отказались), но одновременно идеализировали имперскую Россию, привлекали общественное внимание к трагедии коллективизации, преследованию священнослужителей (хотя и обвиняли в этом «троцкистов», за которыми угадывались все те же евреи). В 1988 г. в Манеже экспонировалась картина принадлежавшего к этому же течению живописца Ильи Глазунова «Сто веков», переименованная затем в «Вечную Россию». Зрители, выстоявшие многочасовую очередь, узнавали на огромном полотне царей из династии Романовых и искали Столыпина – его первое за все время советской власти портретное изображение, экспонировавшееся на официальной выставке.

Газетная цензура из-за более значительных тиражей была строже журнальной. Поэтому главной газетой, продвигавшей идеи гласности, стал малозаметный до того еженедельник «Московские новости», издававшийся Агентством печати «Новости» (АПН), призванным создавать положительный образ СССР у иностранной аудитории. Главным редактором газеты стал Егор Яковлев, опытный журналист, многолетний спецкор газеты «Известия», биограф Ленина и партийный «либерал», за недостаточную приверженность ортодоксии некогда отправленный из Москвы в Прагу, в редакцию пропагандистского журнала «Проблемы мира и социализма». Возглавив «Московские новости», Яковлев добился снятия с газеты предварительной цензуры, что привело как к большей свободе в выборе тем и их трактовок, так и к постоянному балансированию его самого на грани увольнения.

В отличие от Егора Яковлева, Владислав Старков был назначен главным редактором издания «Аргументы и факты» еще в 1980 г. К тому времени он был малоизвестным журналистом, до этого недолго заведовавшим редакцией издательства «Международные отношения». К середине 1980-х гг. «Аргументы и факты» представляли собой издававшийся обществом «Знание» еженедельный бюллетень для лекторов, пропагандистов, политинформаторов и агитаторов, публиковавший информацию, статистические данные, анализ событий и цифры. Для массовой аудитории все это было малоинтересно. С началом политики гласности Старков трансформировал свой бюллетень в массовое издание, обсуждавшее общественно значимые вопросы, причем преимущественно в формате небольших, быстро читаемых статей. Если за «Московскими новостями» раз в неделю выстраивалась в очереди в газетные киоски столичная интеллигенция, то «Аргументы и факты» читал гораздо более широкий провинциальный образованный слой. В 1990 г. газета Старкова вошла в Книгу рекордов Гиннеса за самый

большой тираж в истории человечества – 33 441 100 экземпляров (с числом читателей свыше 100 млн). Характерны дальнейшие судьбы этих изданий – «Московские новости» в 1990-е гг. быстро утратили популярность и к настоящему времени прекратили свое существование, тогда как изрядно «пожелтевшие» «Аргументы и факты» остаются в числе самых массовых изданий.

Еще одним специализированным бюллетенем (хотя и журнального типа) был «Век XX и мир», выпускавшийся Советским комитетом защиты мира. По сравнению с «Московскими новостями» и «Аргументами и фактами» он был куда менее известен, но его уникальность состояла в неформальном статусе дискуссионной трибуны с участием немалого числа интеллектуалов. Главным редактором этого издания еще с 1981 г. был экс-сотрудник разведки Анатолий Беляев. В 1987 г. его заместителем (а затем и фактическим главредом) стал недавний диссидент Глеб Павловский, который вспоминал, что «в 1987 г. некоторых журналистов вызвали в ЦК и повелели стать иностранными: началась гласность»³⁹ (под «иностранностью» явно понималась критичность в отношении власти). Отличительной особенностью этого издания была не только элитарность, но и «либерально-имперский» (по определению Павловского) характер. Это быстро «развело» его с Ельциным, вокруг которого стало консолидироваться большинство сторонников гласности.

Выдвижение на первый план периферийных ранее изданий сопровождалось размежеванием в среде советской мейнстримной прессы. «Известия» под руководством Ивана Лаптева стали быстро сдвигаться в стороны поддержки реформаторов, тогда как «Советская Россия» при редакторстве Валентина Чикина стала неформальным органом ортодоксов.

Быстрые перемены происходили и на телевидении, главном информационном орудии власти, которое поднимало все более острые проблемы. Центром притяжения для сторонников перемен стала вечерняя программа «Взгляд», выходившая по пятницам. Она была создана в 1987 г. по личному указанию Александра Яковлева и по инициативе группы сотрудников Молодежной редакции Центрального телевидения во главе с Анатолием Лысенко и Эдуардом Сагалаевым. Официальной причиной создания «Взгляда» считалась необходимость отвлечь молодежь от прослушивания западных радиостанций, для чего новой программе было разрешено транслировать зарубежную музыку и привлечь к работе обладавших современной стилистикой ведущих с «Иновещания» Владислава Листьева и Александра Любимова. Они быстро стали кумирами аудитории, все более активно критикующими власть, – вплоть до запрещения программы в 1991 г.

Таким образом, «медийная революция» в СССР была инициирована сверху, в том числе через использование ресурса пропагандистских структур, адаптированных к новой реальности. Диссиденты были востребованы слабо – кроме Павловского, можно вспомнить разве что обозревателя «Московских новостей» Лена Карпинского, в хрущевские годы бывшего секретарем ЦК ВЛКСМ и исключенного в 1975 г. из КПСС. Такая ситуация исключала появление аналога польской «Газеты выборчей» во главе с радикальным диссидентом Адамом Михником.

В перестроечные годы велись горячие споры о том, отражают ли СМИ общественные процессы – или сами формируют общественное мнение. Реформаторы настаивали на первом варианте, их оппоненты – на втором, обвиняя СМИ в целенаправленном и злонамеренном воздействии на население. На самом деле, как представляется, ситуация носила более сложный характер. СМИ, отстаивавшие принципы гласности, действительно выражали интересы наиболее активной части населения, востребовавшей радикальные перемены. Они транслировали набор представлений этой части общества в существенно более широкие слои, одновременно легитимируя снятие табу с обсуждения острых тем. Но при этом сами широкие слои уже испытывали сильную

39 Павловский Г.О. Век двадцатый и конец века. URL: <http://old.russ.ru/antolog/vek/>

фрустрацию в связи с нарастанием социально-экономических проблем – поэтому новая информация падала на подготовленную почву. И, напротив, официальная советская пропаганда вызывала все большее неприятие, несмотря на наличие многочисленных источников ее трансляции.

В результате общественное мнение быстро менялось. В 1989 г. только 72% опрошенных ВЦИОМ назвали Ленина в числе самых выдающихся людей всех времен и народов – и это в стране, где почти каждый ребенок носил значок с портретом вождя, а годом раньше он еще находился вне сколько-нибудь серьезной критики (так началось «размывание» образа Ленина – спустя пять лет его назвали в числе выдающихся людей лишь 34%)⁴⁰. Среди путей преодоления экономических трудностей 71% назвал «сокращение военных расходов» и лишь 30% – «наведение твердого порядка» (а 32% посчитали необходимым привлечение иностранного капитала, что совсем недавно выглядело фантастикой). Причиной этих трудностей 62% посчитали «засилье бюрократии»⁴¹. В 1989 г. православными называли себя 17% респондентов, спустя два года – уже 37%⁴². Лишь 14% считали, что забастовки в СССР недопустимы⁴³. В начале декабря 1989 г., перед самой кончиной недавно гонимого Андрея Сахарова, 43% заявили, что вполне одобряют его деятельность, а после его смерти на волне скорби это число увеличилось до 58%⁴⁴.

Столь быстрые перемены создавали представление о том, что советские люди активно воспринимают демократические ценности, и этот процесс носит стабильный характер. На самом деле все оказалось сложнее. С одной стороны, возврат к представлениям советского времени был невозможен. С другой, свою роль, как и в случае с судьбой гласности, сыграл статус СССР как центра мировой социалистической системы и одной из двух сверхдержав. Только роль оказалась специфической – утрата статуса сверхдержавы, отсутствие эффекта «отталкивания от метрополии» (СССР сам был метрополией) и реальной европейской перспективы в совокупности с социально-экономическими проблемами и ростом расслоения в обществе способствовали новым фрустрациям. Романтические представления стали уступать место разочарованию, ощущению обманутых надежд.

4.7. Радикализация курса: политическая реформа Горбачева

4.7.1. Основные контуры политической реформы: курс на департизацию

Политическая реформа Горбачева отставала от экономической – партийная номенклатура воспринимала любые перемены в политике с куда большей настороженностью, чем в экономике. Самый активный сторонник политических реформ в партийном руководстве, Александр Яковлев, подготовил для Горбачева первую записку на эту тему в конце декабря 1985 г. В этом документе под названием «Императив политического развития» выдвигалась идея «комплексности реформирования всех сторон жизни – от экономики до “формальных”, внешних признаков демократизма». Предлагалось избавить партию «от чисто хозяйственных, организационно-снабженческих функций (огрубляя идею: на каком-то этапе ликвидировать отраслевые, хозяйственные

40 Выдающиеся люди / Левада-центр. 26.06.2017. URL: <https://www.levada.ru/2017/06/26/vydayushhiesya-lyudi/>

41 Литературная газета. 29.03.1989. № 13. URL: <http://www.agitclub.ru/gorby/soc/soziolog01.htm>

42 Россияне о религии / Левада-центр. 24.12.2013. URL: <https://www.levada.ru/2013/12/24/rossiyane-o-religii/>

43 Россияне о забастовках / Левада-центр. 27.11.2013. URL: <https://www.levada.ru/2013/11/27/rossiyane-o-zabastovkah-3/>

44 К юбилею Андрея Сахарова / Левада-центр. 17.05.2011. URL: <https://www.levada.ru/2011/05/17/k-yubileyu-andreya-saharova/>

отделы партийных органов со всеми вытекающими последствиями). Оставить за партией лишь политику, определение основных принципов экономической и социальной политики». Яковлев предложил сохранить в ЦК КПСС лишь шесть отделов: экономической политики, социальной политики, идеологический, организационно-кадровый, международный, общий, ликвидировав все отраслевые отделы, курировавшие соответствующие министерства и ведомства. Также предполагалось повысить роль законодательной власти, ввести альтернативные выборы (с числом кандидатов не менее двух), хотя и при контроле партии за их выдвижением. В записке шла речь о необходимости обеспечения независимости суда, создания гарантий политических прав граждан. В заключение предлагался масштабный проект реорганизации КПСС путем ее разделения на две конкурирующие на выборах партии – Социалистическую и Народно-демократическую, объединенные в Коммунистический союз СССР, возглавляемый президентом СССР⁴⁵.

По словам Яковлева, Горбачев заинтересовался запиской, но считал ее идеи преждевременными. Однако уже 20 июня 1986 г. в выступлении на заседании Политбюро Горбачев воспроизвел основную идею записки Яковлева: оставить в руках партии два основных рычага управления: кадры и разработку общей политики, а все остальное передать советам народных депутатов. 23 июня на совещании с секретарями ЦК КПСС генсек зондировал почву еще более глубоко, упомянув об издержках однопартийной системы и заявив, что «без “малой революции” в партии ничего не выйдет, ведь реальная власть – у партийных органов. Сейчас народ поверил в перестройку, он за нее горой. А начальство боится дать людям развернуться. Народ не будет тянуть на своей шее аппарат, который нечего не делает для перестройки»⁴⁶. Неудивительно, что партийцы не были готовы воспринять подобные идеи. После этого Горбачев взял тайм-аут почти на полгода и вернулся к этому вопросу в ноябре, когда началась непосредственная подготовка к пленуму ЦК КПСС по кадровым вопросам, превратившемуся в первое публичное обсуждение политической реформы – более того, завершившееся конкретным решением.

Секретарь ЦК КПСС Медведев вспоминал, что первоначально пленум было поручено готовить Лигачеву, тогдашнему «человеку номер два» в партии, который совсем не разделял реформаторских идей, выдвигавшихся Яковлевым. По словам Медведева, «по сути, это была та самая кадровая рутина, в плену которой мы находились долгие годы. Это был в целом традиционный подход, бюрократический, я бы сказал. Естественно, такой материал не мог устроить Горбачева. И формируется рабочая группа для подготовки доклада к Пленуму»⁴⁷. Ключевыми участниками группы были Яковлев, Медведев и помощник Горбачева Валерий Болдин, выполнявший техническую работу. Он вспоминал, что Горбачеву не нравились и варианты доклада, предлагавшиеся рабочей группой – и, по словам Болдина, «лишь после того как в тексте доклада достаточно развернуто прозвучала тема демократизации, которую он хотел вынести на обсуждение, дело сдвинулось с мертвой точки»⁴⁸.

Яковлев вспоминал, что главные споры были вокруг того, вводить или нет альтернативные выборы в партии и на каком уровне эти выборы проводить. «Были предложения сначала попробовать до уровня горкомов и райкомов: “Давайте не будем трогать этих руководителей областных кланов”. Но Михаил Сергеевич говорил, и я с ним был согласен, что надо вынести на суд “партийных масс” все руководство снизу доверху. Начиная с первичных парторганизаций до Центрального Комитета, и обязательно, чтобы выборы были свободными». Медведев было более осторожен, исходя из настроений

45 Яковлев А. Перестройка: 1985–1991. Под ред. А.А.Яковлева. М.: МФД, 2008. С.28–38.

46 Глезин Э. Январская весна / Известия. 29.01.2007. URL: <http://www.vremya.ru/print/170191.html>.

47 Там же.

48 Там же.

участников пленума. В результате в текст доклада Горбачева был включен такой пункт, впрочем, носивший рекомендательный характер:

Есть необходимость подумать и об изменении порядка избрания секретарей райкомов, окружкомов, горкомов, обкомов, крайкомов партии, Центральных Комитетов компартий союзных республик. Здесь, как предлагают товарищи, можно пойти на то, чтобы секретари, в том числе и первые, избирались тайным голосованием на пленумах соответствующих партийных комитетов. Члены партийного комитета имели бы при этом право вносить в список для голосования любое количество кандидатур. Такая мера должна серьезно повысить ответственность секретарей перед избравшими их партийными комитетами и прибавить им уверенности в работе, позволит точнее определить меру их авторитета⁴⁹.

Эта инициатива, серьезно беспокоившая партийных функционеров, понимавших, что многие из них могут не переизбраться, не была немедленно реализована – конкурентные выборы первых секретарей обкомов прошли в ряде регионов только в 1989–1991 гг., когда политическая ситуация была уже совершенно иной. Зато они были готовы соглашаться на другие меры, казавшиеся более безопасными, – например, на сам принцип конкурентных выборов не на партийном, а на государственном уровне. Они действовали в рамках привычной системы координат, включавшей в себя незыблемость руководящей роли партии – а вопросы функционирования «подчиненной» советской власти казались второстепенными.

Тем временем в декабре Яковлев направляет Горбачеву очередной документ – тезисы об основных слагаемых перестройки, в которых, в частности, говорилось:

Практика, когда партия в мирное время руководит всем и вся, весьма зыбкая. Соревновательность в экономике, личная свобода и свобода выбора на деле, а не на словах неизбежно придут в противоречие с монособственностью, моноидеологией и моновластью. Но власть есть власть. От нее добровольно отказываются редко. Так и с КПСС, особенно учитывая ее «орденомеченосный» характер. Надо упредить события. Возможно, было бы разумным разделить партию на две части, дав организационный выход существующим разногласиям. Но это особая тема для тщательного и взвешенного обдумывания⁵⁰.

В этой записке особенно важна интонация. Ее автор, член высшего партийного руководства, секретарь ЦК КПСС явно воспринимает партию как внешнюю для себя, недружелюбную и опасную силу – однако оптимальной технологии «обезвреживания» партии предложить не может (ее разделение не имело прецедентов и выглядело утопическим проектом). Более того, адресат записки, генсек, не только воспринял ее спокойно, но и дал импульс дальнейшей карьере автора – на январском пленуме 1987 г. Яковлев стал членом Политбюро.

Сам пленум, прошедший 27–28 января 1987 г., принял постановление, ключевым пунктом которого был следующий:

Одним из ключевых направлений демократизации общественной жизни, кадровой политики является совершенствование советской избирательной системы. Важно избавить практику выдвижения и обсуждения кандидатов в депутаты Советов от элементов формализма, предоставить избирателю возможность выражать своё отношение к большему числу кандидатур⁵¹.

В развитие этого положения предполагалось провести эксперимент – в пяти процентах местных советов избрать депутатов по многомандатным округам, то есть на альтернативной основе. Эксперимент состоялся в том же 1987 г. – и уже общесоюзные

⁴⁹ Материалы Пленума Центрального комитета КПСС 27-28 января 1987 года. М.: Политиздат. 1987. С.31.

⁵⁰ Яковлев А. Перестройка: 1985-1991. Под ред. А.А.Яковлева. М.: МФД, 2008. С.69.

⁵¹ Материалы Пленума Центрального комитета КПСС 27-28 января 1987 года. М.: Политиздат. 1987. С.79.

выборы 1989 г. прошли на конкурентной основе, причем не по многомандатным округам, а по привычным одномандатным. Руководство компартии считало, что в его распоряжении есть еще десятилетие для проведения эволюционных реформ. Но времени оставалось куда меньше.

4.7.2. XIX партконференция: доктринальные новации, отход от коммунизма

XIX партконференция, состоявшаяся 28 июня – 1 июля 1988 г., была самым парадоксальным форумом КПСС. Состав ее делегатов формировался по привычным номенклатурным принципам. Но привилегированные коммунисты – партийные функционеры, «знатные» рабочие и колхозники, военачальники, космонавты и др. – голосовали за решения, по сути означавшие демонтаж системы партийной власти. Неудивительно, что противники Горбачева связывали такое развитие событий с личностью генсека. Один из участников конференции, будущий первый секретарь МГК КПСС и сторонник ГКЧП Юрий Прокофьев вспоминал позднее: «Никогда – ни раньше, ни позже – я не видел Горбачева таким моторным, энергичным, собранным, как в те дни, когда он целеустремленно и жестко проводил свою линию, свою политику. Он сделал все виртуозно – надо отдать ему должное»⁵².

Основные деяния конференции в политической сфере оказались таковы.

Во-первых, реорганизация до конца года партийного аппарата «с учетом принятых решений о разделении функций между партией и Советами»⁵³, что на практике означало ликвидацию отраслевых отделов и, как следствие, резкое снижение влияния партии на управленческие процессы. За партией оставались теоретическая разработка важнейших вопросов развития страны, выработка идеологии перестройки, организаторская работа в массах (что подразумевалось под последним, осталось неясным) и кадровая политика, которую она должно была осуществлять, «обеспечивая рациональную расстановку кадров через демократические механизмы преобразованной политической системы» – то есть через выборы, результаты которых после введения принципа альтернативности переставали быть предсказуемыми. На этом фоне слова о том, что «решение судьбоносных для страны и социализма задач перестройки требует повышения руководящей роли партии»⁵⁴, выглядели декларацией, направленной на успокоение делегатов.

Во-вторых, изменение структуры советской власти. Было решено, что она будет двухуровневой. Высшим для всей страны органом становился Съезд народных депутатов СССР, в состав которого наряду с депутатами от территориальных и национально-территориальных избирательных округов должны были войти депутаты от КПСС, профсоюзов, комсомола и других общественных организаций. Съезд образовывал «сравнительно небольшой по численности двухпалатный Верховный Совет СССР – постоянно работающий законодательный, распорядительный и контрольный орган»⁵⁵. Таким образом, впервые за всю историю СССР появлялся непрерывно действующий законотворческий институт, что давало ему возможность эволюционировать в сторону парламентаризма. Внедрялся также принцип разделения властей – хотя и не полностью, так как в конструкцию власти включался Съезд с крайне широкими полномочиями, треть состава которого к тому же избиралась на не прямых выборах. При этом его депутатами не могли быть министры, другие высшие чиновники, судьи, прокуроры, государственные арбитры (позднее исключение было сделано для председателя Совета министров Рыжкова). Была дана санкция на принятие Верховным советом СССР проектов

52 Прокофьев Ю.А. Как убивали партию. Показания первого секретаря МГК КПСС. М.: Алгоритм, 2011. URL: <https://litlife.club/books/240180/read?page=20>

53 XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза. 28 июня – 1 июля 1988 г.: Стенографический отчет. В 2 т. Т.2. М.: Политиздат, 1988. С.185.

54 Там же. С.119.

55 Там же. С.138.

законодательных актов по перестройке советских органов, а также организацию выборов и проведение Съезда народных депутатов в апреле 1989 г.

В-третьих, существенно менялась избирательная система: конференция постановила обеспечить «неограниченное выдвижение кандидатур, широкое и свободное их обсуждение, включение в избирательные бюллетени большего числа кандидатов, чем имеется мандатов, строгое соблюдение демократической процедуры выборов, регулярную отчетность депутатов и возможность их отзыва». Впрочем, был предусмотрен и фильтр – конференция решила предоставить «обширные полномочия» окружным предвыборным собраниям, «которые должны стать демократическими форумами состязательного отбора кандидатов в депутаты»⁵⁶.

В-четвертых, менялась и роль советов. Была анонсирована передача «на их рассмотрение и решение всех важных вопросов государственной, хозяйственной и социально-культурной жизни, восстановление руководящего положения выборных органов по отношению к исполнительным и их аппарату»⁵⁷. Впрочем, в резолюции оказался спорный пункт – о рекомендации на должности председателей советов, как правило, первых секретарей соответствующих партийных комитетов. Такое совмещение – даже с оговоркой «как правило»⁵⁸ – выглядело ограничением демократических норм, но в реальности оно реализовано не было (избранные председателями советов партийные лидеры уходили со своих постов, считая, что именно к советам переходит реальная власть, а во многих случаях советы возглавляли другие депутаты).

В-пятых, в официальный лексикон вошло понятие «правовое государство». В решениях конференции содержалось положение о том, что она «считает делом принципиальной важности формирование социалистического правового государства как полностью соответствующей социализму формы организации политической власти». Двукратное упоминание в одной фразе социализма выглядело небольшой уступкой ортодоксам – тем более что конференция предусмотрела необходимость проведения правовой реформы «в сравнительно короткие сроки»⁵⁹.

В-шестых, констатировалась необходимость «значительно укрепить гарантии осуществления таких начал советского судопроизводства, как состязательность, гласность, неукоснительное соблюдение презумпции невиновности, недопустимость как обвинительного уклона, так и попустительства по отношению к тем, кто посягнул на советский закон. Нужно поднять авторитет суда, обеспечить безусловную независимость судей и подчинение их только закону, определить конкретные меры ответственности за вмешательство в их деятельность и за неуважение к суду»⁶⁰. Если попустительством советский суд не страдал, то обвинительный уклон присутствовал часто – а принцип презумпции невиновности, отстаиваемый либеральными юристами, вызывал сильное недовольство у правоохранителей.

В-седьмых, появилась формулировка «политические права и личные свободы граждан». Было провозглашено, что среди них «особое место принадлежит правам человека на участие в управлении, на выражение своего мнения по любому вопросу, свободе совести». Также предусматривалось, что закон «должен надежно оберегать личное достоинство гражданина, неприкосновенность его жилища, тайну переписки, телефонных переговоров и т.д.»⁶¹

Почему же делегаты конференции проголосовали за все эти неслыханные решения? Только ли из-за «виртуозности» Горбачева, который навязал свою повестку? Такое объяснение было бы недостаточным. Еще более важным стало то, что противники

56 Там же.

57 Там же. С.136–137.

58 Там же.

59 Там же. С.139–140.

60 Там же. С.173.

61 Там же. С.140–141.

Горбачева не смогли объединиться и выдвинуть альтернативную программу. И дело было не только в страхе оказаться в роли «раскольников», но и в дефиците политического лидерства. Можно выделить три выступления партийных «консерваторов», но никто из них не смог консолидировать не только большинство, но даже заметное меньшинство участников конференции.

Первым следует назвать выступление Лигачева, еще до конференции получившего репутацию лидера «консерваторов». Это была необычная речь – эмоциональная, почти исповедальная («Что такое культ личности, я, к сожалению, знаю не понаслышке. Не хотелось бы говорить о себе, но уж как на духу – в нашей семье тоже были и расстрелянные, были и исключенные из партии». «Было бы предательством, если бы я не сказал о тех, с кем связал свою судьбу, делил радости и горести. Многие из них уже ушли из жизни. Не все сразу получалось. Приходилось доделывать и переделывать, но трудились без оглядки, может быть, потому, что знали: дальше Сибири не пошлют»⁶²). Однако Лигачев тогда был лоялен Горбачеву и не нарушал принципа единства партийного руководства, что заставило его защищать политику перестройки и опровергать информацию о разногласиях в Политбюро. От одного из лидеров страны могли ждать программного выступления – но его не последовало. Зато личные инвективы в отношении нарушавшего этого принципа Ельцина не вписывались в привычную стилистику подобных форумов и в конечном счете повредили репутации Лигачева.

Вторым стало выступление писателя Юрия Бондарева, который произнес резкую филиппику в отношении перестройки, и в наши дни популярную в антилиберальном сегменте Рунета, где эту речь считают пророческой. Он сравнил перестройку «с самолетом, который подняли в воздух, не зная, есть ли в пунктах назначения посадочная площадка»⁶³. Зал встретил выступление Бондарева аплодисментами, а оппонировавшего ему писателя Григория Бакланова чуть не согнали с трибуны⁶⁴. Но это был только эмоциональный выплеск, за которым не последовало реальных действий. Писатель в советской традиции мог быть партийным трибуном, но не серьезным политиком.

Третье выступление, первого секретаря Коми обкома партии Владимира Мельникова, сочетало требование защиты окружающей среды, критику политики гласности («неудовлетворительно готовятся и журналистские кадры»), защиту авторитета партийных работников («немало нашлось тех, кто сознательно формирует общественное мнение, что в партии сплошь бюрократы и чиновники и сплошные льготы») и негативную оценку деятельности ряда ветеранов партийного руководства, в том числе Соломенцева и Громыко (что было созвучно риторике Ельцина). В выступлении Мельникова прослеживались тенденции «коммунистического популизма», позднее свойственные компартии РСФСР⁶⁵. Но в 1988 г. такая «гремучая смесь» не прошла – тем более что в защиту коллег выступил «консерватор» Лигачев, а региональный лидер не пользовался достаточной известностью и авторитетом, да и лидерских амбиций общенационального уровня у него не было. Затем потенциальный оппонент власти был нейтрализован – в середине 1989 г. Мельников получил пост министра лесной промышленности и ушел из публичной политики.

Кроме того, на позиции участников партконференции влияла инерция. Было трудно представить, что почти 20-миллионная партия, опирающаяся на органы КГБ, МВД, Вооруженные силы, способна реально потерять власть. Существовало представление, что она сможет сохранять реальный контроль над новыми институтами.

«XIX партийная конференция своей открытостью, демократизмом ускорила процесс формирования новой политической культуры, вызвала цепную реакцию диалога,

62 Там же. С.82–88.

63 Там же. Т.1. С.224.

64 Там же. Т.2. С.20–22.

65 Там же. Т.1. С.266–271.

свободных дискуссий о будущем страны» – писал Яковлев⁶⁶. Сторонники радикальных реформ составляли меньшинство участников конференции, но они получили общесоюзную трибуну для высказывания и, следовательно, легитимации своих идей.

4.7.3. Егор и Борис: обострение противоречий в политическом руководстве

Выступление Ельцина на октябрьском пленуме ЦК КПСС стало первым примером неконформистского поведения представителя высшей партийной элиты за многие десятилетия. После борьбы Никиты Хрущева с группой Молотова-Маленкова-Кагановича в 1957 г. партийные форумы не становились площадками для острых дискуссий. Кадровые решения принимались кулуарно и оформлялись постановлениями пленумов и съездов – даже смещение самого Хрущева не было исключением.

Ельцин в октябре 1987 г. повел себя как политик в «неполитической» стране. Правила игры, принятые в руководстве КПСС, предусматривали лояльную работу на номенклатурной должности, куда функционера направила партия. Такой подход был комфортным в период стабильности, но стал давать сбои, когда началась турбулентность. Члены высшего партийного руководства, отвечавшие за экономические проблемы отраслей или территорий, оказывались в ловушке – они не могли в условиях сокращения ресурсов обеспечивать ожидавшиеся от них результаты и в то же время были вынуждены оставаться на своих постах. В результате они заходили в тупик и, в конечном счете, не только теряли должности, но и завершали карьеры. Таковы были судьбы Николая Слюнькова (куратора экономики), Виктора Никонова (ведавшего сельским хозяйством), Льва Зайкова (занимался оборонкой, а затем сменил Ельцина на посту главы московского горкома) и ряда других соратников Горбачева, с которыми он расставался без сантиментов. Позднее так пост премьера потерял Рыжков.

Еще один важный аспект, свойственный не только советской системе – патрон-клиентские отношения. Ельцин был протеже Лигачева – бывший томский первый секретарь продвигал свердловского на должности секретаря ЦК по строительству, а затем и главы московской парторганизации. В выступлении Лигачева на XIX партконференции («Борис, ты не прав!») явно чувствовалась личная обида на Ельцина. Однако Лигачев, дав импульс карьере Ельцина, не покровительствовал ему, когда тот был московским секретарем, свою клиентелу он так и не создал. В этих условиях и Ельцин, видимо, считал, что у него нет обязательств перед Лигачевым.

«Бунт» Ельцина, на первый взгляд, действительно выглядит конфликтом с Лигачевым, который Горбачев не смог или не захотел своевременно урегулировать. Но если посмотреть внимательнее, то становится ясно, что изначально ключевыми были более фундаментальные противоречия – между Ельциным и Горбачевым. Незадолго до январского пленума 1987 г. на заседании Политбюро 19 января Ельцин впервые оппонировал генсеку, причем в его выступлении легко заметить мотивы будущей речи на октябрьском пленуме. В январе Ельцин подверг критике оптимистичные оценки перестройки, содержащиеся в проекте доклада Горбачева, обвинил доперестроечное Политбюро в торможении развития страны (это ударяло не только по таким ветеранам, как Громыко и Соломенцев, но и косвенно по Горбачеву, входившему в состав Политбюро с 1980 г.), а также выразил недовольство отсутствием самокритики со стороны действующего руководства партии и страны.

Январское выступление Ельцина было интересно и тем, что московский секретарь не примкнул к числу сторонников расширения гласности (Яковлеву и Медведеву). В нем говорилось о том, что СМИ не должны быть вне критики – «а то получается, что газета всегда права. И не извиняется, если скажет неверно». Впервые появилась коронная ельцинская тема: «В докладе недостаточно уделено внимания вопросу социальной справедливости. Это не только касается привилегий, а и отступлений в распределительной

66 Яковлев А.Н. Сумерки. М.: Издательство «Материк», 2003. С.439.

сфере». И тут же формулировка о необходимости повышения роли рабочего класса в кадровой политике, которая вполне могла бы прозвучать из уст партийного «консерватора».

Горбачев резко отреагировал на ельцинское выступление, сравнив его с «левой фразой, звонкой и пустой», которой не должно быть места в докладе на пленуме, и заявив, что «не надо друг перед другом играть в революционность». Ельцин отступил, назвав происшедшее уроком для него, Горбачев «подсластил» пилюлю, сказав о высокой оценке его работы в Москве⁶⁷. Но ничего забыто не было. На следующий день Горбачев позвонил члену Политбюро Воротникову и начал жаловаться не только на выступление Ельцина, но и на его московскую деятельность: «Методы Ельцина – заигрывание с массами, обещания, перетряска кадров, много слов, мало конкретной работы. Состояние хозяйства и торговли в Москве, несмотря на огромную помощь других республик, не улучшилось. Все время ссылки на прежние упущения»⁶⁸. Ельцин же, по воспоминаниям Медведева, воспринял это столкновение настолько тяжело, что к нему вызывали врачей. Но на пленуме ЦК он заявил, что «надо дать оценку способности вести перестройку абсолютно всем, вплоть до членов Центрального Комитета, особенно руководителям»⁶⁹.

После этой истории Ельцин потерял поддержку Горбачева, который не мешал Лигачеву усиливать давление на него – в том числе создать комиссию секретариата ЦК по проверке положения дел в Москве. После очередного столкновения с Лигачевым на Политбюро Ельцин 12 сентября 1987 г. написал Горбачеву письмо, в котором подверг критике деятельность «человека номер два» в партии за «конъюнктурно-местнический, мелкий, бюрократический, внешне громкий подход» и попросил о собственной отставке. Никаких конкретных предложений – кроме пятидесятипроцентного сокращения партийного аппарата и изменения его структуры (при том что структурная реорганизация уже была задумана Горбачевым и реализована в 1988 г.), а также перетряски секретариата ЦК – в письме не было⁷⁰. Новой критики в адрес генсека – тоже. Похоже, что написав письмо, Ельцин рассчитывал, что его будут уговаривать остаться, расширят полномочия, выведут из-под контроля Лигачева. Альтернативой было принятие отставки Ельцина и тихий перевод его на другую почетную работу.

Горбачев избрал третий вариант – он промолчал, фактически спровоцировав Ельцина на выступление на октябрьском пленуме с критикой деятельности Лигачева и «славословий» в отношении Горбачева. Но были ли лучшими первые два? Пойдя навстречу Ельцину, он порывал бы с тогда еще полностью лояльным Лигачевым и не гарантировал бы себя от новой критики со стороны непослушного московского секретаря. Такой вариант был для Горбачева невыносим. Тихая отставка выглядела бы оптимальным сценарием для генсека с позиции «послезнания» – но Горбачев не мог не знать, что Ельцин популярен в Москве, хотя и за счет методов, которые он считал «заигрыванием с массами», – от организации Дней города до личного инспектирования магазинов. Что касается тихого увольнения, то на пенсию Ельцину было рано, на посольскую должность он бы не согласился, а любой другой пост использовал бы как политический плацдарм.

За выступлением последовали два тура разгромной критики в адрес Ельцина на пленумах ЦК и московского горкома – и это стало ошибкой генсека. Популярный московский лидер в условиях отсутствия позитивных результатов в социально-экономической политике и падающей популярности Горбачева превратился не просто в

67 В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985-1991) / Сост. А.Черняев (рук. проекта), А.Вебер, В.Медведев; Горбачев-Фонд. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. С. 124–130.

68 Воротников В.И. А было это так... Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М.: «Совет ветеранов книгоиздания», SI-MAR, 1995. С.123.

69 Глезин Э. Январская весна / Известия. 29.01.2007. URL: <http://www.vremya.ru/print/170191.html>.

70 Ельцин Б.Н. Исповедь на заданную тему: Размышления, воспоминания, впечатления... М.: Советско-британская творческая ассоциация «Огонек-Вариант», 1990. С.3–5.

очередного уволенного, а в жертву, вызывающую сочувствие. Тем более что близкий к Ельцину главный редактор «Московской правды» Михаил Полторанин написал апокрифический текст ельцинской речи на октябрьском пленуме⁷¹, резко усилив в ней популистские мотивы, весьма привлекательные для советских граждан. Сам того не желая, Горбачев существенно облегчил Ельцину трансформацию из функционера в политика.

Ключевым моментом становления Ельцина-политика оказалось его выступление на XIX партконференции. На нем он говорил уже не как партийный секретарь, столкнувшийся с вышестоящими начальниками, а как политик, апеллирующий к широкой аудитории, смотревшей его выступление по телевидению. Ельцин подверг критике политику перестройки: «Объявили о ней без достаточного анализа причин возникшего застоя, анализа современной обстановки в обществе... И как результат перестройки – за три года не разрешили каких-то осязаемых реальных проблем для людей, а тем более не добились революционных преобразований» (можно провести параллели с самолетной метафорой «консерватора» Бондарева). Последовало и требование вывести из состава Политбюро «ветеранов», бывших в нем при Брежнев и Черненко, – Горбачев прямо назван не был, но критика была и по нему. Лигачева Ельцин не упомянул, видимо, избегая обвинений в сведении счетов, зато атаковал Соломенцева, по которому бил и «консерватор» Мельников. Зал встретил требование кадровых перемен аплодисментами.

Но Ельцин принципиально отличался от «консерваторов» тем, что не атаковал гласность (претензии к прессе, высказанные им на Политбюро за полтора года до этого, не были известны широкой аудитории). Зато он затронул вопрос о привилегиях, реально волновавший читателей «Аргументов и фактов» и «Огонька»: «Должно быть так: если чего-то не хватает у нас, в социалистическом обществе, то нехватку должен ощущать в равной степени каждый без исключения. А разный вклад труда в общество регулировать разной зарплатой; надо, наконец, ликвидировать продовольственные “пайки” для, так сказать, голодающей “номенклатуры”, исключить элитарность в обществе, исключить и по существу, и по форме слово “спец” из нашего лексикона, так как у нас нет спецкоммунистов». И тут же интуитивно точно предложил вместо строительства роскошных особняков «материально поддержать первичные организации, в том числе и по зарплате их руководителей». Через голову номенклатуры Ельцин обращался к партийным «низам», которые жили не лучше квалифицированных специалистов⁷².

Интересно, что сам Ельцин первоначально не считал эту речь своим успехом – тем более что его просьба к конференции о собственной политической реабилитации не привела к успеху, а делегаты хлопали Лигачеву больше, чем ему. Однако массовая аудитория симпатизировала Ельцину – и как «жертве», и как политику, транслировавшему популярные идеи.

4.7.4. Запрос «снизу»: СМИ, общественное пробуждение и неформальные движения

Спрос «снизу» на политическую демократизацию в СССР увеличивался в условиях, когда разочарование в перестройке сочеталось с развитием общественных дискуссий. Начался поиск более радикальных альтернатив горбачевскому политическому курсу. Однако предложение отставало от спроса.

Диссидентское движение не могло быть такой альтернативой – в крупнейшей республике СССР, РСФСР, где находились высшие органы власти страны и традиционно решались ее судьбы, протестная активность в доперестроечный период была менее значительной, чем в республиках Прибалтики или Грузии. Не было в РСФСР и опоры на

71 Корченкова Н. Ельцин в октябре. Как выступление первого секретаря МК КПСС изменило ход истории страны. / Коммерсант. 21.10.2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3441660>

72 XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза. 28 июня – 1 июля 1988 года. Т.2. С.55–62.

мощную подпольную инфраструктуру, каковой, например, на западе Украины была запрещенная греко-католическая церковь. К тому же к первой половине 1980-х гг. российское диссидентское движение было фактически разгромлено – одна часть его участников находилась в лагерях и ссылках, другая была принуждена к эмиграции.

Неудивительно, что нарождавшиеся организационные структуры потенциальной оппозиции в РСФСР (их называли «неформальными организациями», так как они не были официально зарегистрированы и находились в «серой зоне» – не запрещенные, но и не разрешенные), состоявшие преимущественно из представителей интеллигенции, критически относившихся к советской власти, сочувствовавших диссидентам, но не участвовавших в их деятельности, изначально были слабы. Парадоксальным образом это сыграло для них положительную роль. Власть недооценивала возможности оппозиции, не веря в то, что десятки и сотни людей, игравших активную роль в ней, могут всерьез повлиять на общественно-политические процессы в многомиллионной стране. Кроме того, ходили многочисленные слухи о пронизанности неформальных организаций осведомителями КГБ. Слухи эти не были ни подтверждены, ни опровергнуты. Однако то, что в них было истинного (трудно представить, чтобы КГБ вообще игнорировал «неформалов»), могло создавать в «верхах» иллюзию прочного контроля за ситуацией, который в реальности все более слабел.

Политическая оппозиция в РСФСР стала формироваться в виде дискуссионных клубов – поначалу формально аполитичных. Французский социолог Кароль Сигман обращает внимание на то, что в 1987–1988 гг. внутрипартийная борьба заставила «реформаторов» в противостоянии с «консерваторами» искать поддержку со стороны интеллигенции и разрешить в порядке эксперимента деятельность неформальных клубов, которые согласились играть предложенную им роль «низового ресурса». Однако на практике клубы повели с «реформаторами» двойную игру, претендуя на все большую политическую автономию, пытаясь «втиснуться в зазоры системы, расширить пространство для своего действия, несмотря на то, что у них нет на это особого разрешения»⁷³.

Одной из первых таких институций стал созданный осенью 1986 г. Клуб социальных инициатив (КСИ), возглавляемый математиком и социологом Григорием Пельманом; в его деятельности участвовали Борис Кагарлицкий и Глеб Павловский, ранее осужденные за участие в диссидентском движении, философ Михаил Малютин. Деятельность КСИ патронировала известный социолог академик Татьяна Заславская, возглавлявшая официально действовавшую Советскую социологическую ассоциацию – это помогало клубу получать площадки для проводимых им общественных дискуссий.

Первым по-настоящему политическим клубом можно считать клуб «Перестройка», созданный группой московских и ленинградских интеллигентов в 1987 г. на площадке Центрального экономико-математического института (ЦЭМИ). Один из его организаторов Петр Филиппов позднее вспоминал:

На первом заседании (как и на последующих) московского клуба «Перестройка» зал был переполнен. Люди сидели в проходах, стояли вдоль стен. Однако среди организаторов клуба москвичей не было, только ленинградцы. Они выступали столь радикально и с таким азартом, что приводили зал в восторг. Москвичи к таким речам не привыкли. Клуб состоялся. По Москве пошла о нем молва⁷⁴.

Затем аналогичный клуб был организован и в Ленинграде, со ссылкой на московский прецедент. его первое заседание на тему «План и рынок: вместе или против?» вели Филиппов и Анатолий Чубайс. Всего в состав ленинградского клуба первоначально

73 Сигман К. Политические клубы и перестройка в России. Оппозиция без диссидентства. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С.42.

74 Филиппов П. Возьмись и сделай. СПб: Норма, 2016. С.71.

входили около 70 человек, причем организаторы сознательно ограничивали численность, опасаясь наплыва неадекватных людей.

В Москве, по воспоминаниям одного из активных деятелей «Перестройки» Владимира Кардаильского, «с самого начала имело место благоволение и даже содействие со стороны Севастопольского райкома партии и соседнего Черемушкинского. Они, в свою очередь, обкатывали какие-то идеи, которые доносились сверху – от высокопоставленных сторонников преобразований типа Александра Николаевича Яковлева»⁷⁵. На площадке клуба проходили дискуссии и семинары, участниками «Перестройки» было создано общество «Мемориал», призванное увековечить память погибших в годы репрессий. Осенью 1987 г. в московской «Перестройке» произошел раскол на радикалов и умеренных, причем, по словам Кардаильского, одно из различий между ними состояло в том, что умеренные радикализировались медленнее. Большинство оказалось на стороне умеренных, близких к социал-демократии (среди них были Андрей Фадин и Павел Кудюкин, в свое время проходившие по одному делу с Кагарлицким, Малютин, будущие депутаты Олег Румянцев и Леонид Волков), образовавших отдельный клуб «Демократическая перестройка».

Наряду с клубами активно формировались неформальные политические группы. Часть радикалов из «Перестройки» позднее вступила в антикоммунистический «Демократический союз» Валерии Новодворской, жестко конфликтовавший с властями, другая образовала небольшой клуб «Перестройка-88». Кагарлицкий занялся организацией социалистов, Виктор Золотарев основал либеральную группу «Гражданское достоинство», анархисты создали группу «Община», главным идеологом которой стал будущий депутат Государственной думы от «Единой России» Андрей Исаев. В 1988 г. при участии более 20 неформальных групп и клубов был создан Московский народный фронт (МНФ), названный так по аналогии с эстонской организацией, ставшей одной из основных политических сил, добивавшихся независимости Эстонии. Москвичам отделяться от Союза было некуда – поэтому их проект оказался существенно менее успешным. К тому же МНФ сразу же раскололся на социалистов, составлявших в нем большинство, и несоциалистов. В результате организация оказалась внутренне конфликтной и маловлиятельной – тем более что социалистическая идея во всех своих видах быстро теряла популярность в обществе. В июле-августе 1988 г. несоциалисты покинули МНФ, утративший способность исполнять консолидирующую функцию. Численность МНФ только к лету 1989 г. года превысила тысячу человек.

Однако клубы и группы стали важными источниками кадрового пополнения оппозиционного движения – многие их участники затем превратились в профессиональных политиков. Интеллектуальные дискуссии способствовали росту политического самосознания, расширению пространства свободы. Клубы и группы напоминали, говоря военным языком, «кадрированные дивизии» – так называют воинские части, состоящие в основном из офицеров и сержантов, но готовые в нужный момент развернуться до полноценного состава. Многотысячные демонстрации в Москве и Ленинграде в поддержку демократии организовывались в основном людьми, прошедшими через участие в клубах и группах. В то же время «неформальные» движения стали своего рода прообразом будущей отечественной многопартийности – с ее нестабильностью, недостаточной легитимностью, многочисленными слабостями и, особенно, бесконечными внутренними раздорами.

Примечательной особенностью общественного пробуждения стала неожиданно слабая, периферийная роль русских националистов в этом процессе. Публично крайне активное общество «Память», созданное еще в 1980 году, первоначально как историко-культурное объединение, включавшее в себя часть активистов московского отделения

75 Кардаильский В. Клуб «Перестройка» (1987 г.). URL: http://igrunov.ru/vin/vchk-vin-n_histor/remen/1269186609.html.

Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, своим радикализмом и антисемитизмом дискредитировало национальную идею, к тому же и оно претерпело несколько расколов. В его деятельности не участвовали «статусные» националисты из числа писателей-почвенников и других деятелей культуры – они были ориентированы на выстраивание отношений с «консервативной» частью партийного руководства, не поощрявшей, в отличие от Александра Яковлева, политизированную общественную активность. Лояльная государству Русская православная церковь, многие клирики и прихожане которой были сторонниками национальной идеи, старалась держаться в стороне от политики, а наиболее активные в светском публичном пространстве в конце 1980-х годов священнослужители (известный проповедник и миссионер Александр Мень, диссидент Глеб Якунин) были противниками националистов. В результате лидером «Памяти» оказался малоизвестный актер и фотограф Дмитрий Васильев, который существенно повысил собственную известность после шумных немногочисленных акций, но своей маргинальностью отпугивал от «Памяти» умеренных националистов.

К националистам осторожно присматривался Ельцин – еще будучи первым секретарем МК КПСС, он встретился с представителями «Памяти», что вызвало сильную обеспокоенность либеральной интеллигенции. Однако эта встреча так и осталась эпизодом, не получившим развития, – Ельцин был явно разочарован маргинальностью и экстремизмом националистов. Что касается так называемой «русской партии»⁷⁶ (писателей и других деятелей культуры, выступавших в качестве сторонников русской национальной идеи), то они были связаны с частью партийной бюрократии и горячо симпатизировали антиалкогольной кампании, проводившейся Лигачевым. «Бунтарь» Ельцин был им характерологически чужд.

В регионах общественное движение носило в значительной степени экологический характер. Это было связано с «чернобыльским синдромом» и успешной кампанией против поворота северных рек в сочетании с декларируемой аполитичностью, позволявшей минимизировать конфликты с местным начальством. Движение в защиту природы было официально одобрено союзными властями, что создавало легальную основу для возникновения многочисленных неформальных организаций. Экологические активисты выступали против строительства новых атомных электростанций, химических и других вредных для природы производств. Некоторые участники экологического движения постепенно политизировались, стали принимать участие в избирательных кампаниях. Ярким примером может служить нижегородский физик Борис Немцов, чей путь в политику начался именно так.

Но более важную общественную роль по сравнению с клубами и группами играла перестроечная публицистика. Тексты, критически анализирующие советскую политическую и экономическую систему, пользовались большой популярностью, в библиотеках за номерами журналов, в которых они публиковались, выстраивались очереди, их авторы становились популярными среди широкой аудитории и приобретали немалый моральный авторитет.

Опубликованная в 1986 г. в журнале «Знамя» статья Гавриила Попова «С точки зрения экономиста» (рецензия на роман Александра Бека «Новое назначение») сделала широко известным имя автора, профессора и бывшего декана экономического факультета МГУ. Попов ввел в оборот понятие «командно-административной системы», в основе которой «централизация решений и пунктуальное, неукоснительное, беззаветное исполнение директив Верха и особенно лично Сталина – Хозяина»⁷⁷. Этот термин был вскоре распространен на советскую экономику в целом. Репутации Попова как демократа

76 См.: Митрохин Н. Русская партия: Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2003.

77 Попов Г.Х. С точки зрения экономиста (О романе Александра Бека «Новое назначение») // Знамя. 1986. №№ 10–11.

не помешала даже статья в «Московских новостях» с критикой Ельцина, которую он опубликовал после октябрьского пленума ЦК, – тем более что потом он таких ошибок больше не совершал.

Еще один яркий «перестроечный» публицист – ученый-литературовед Юрий Карякин, человек совсем иной биографии. В отличие от успешного советского экономиста Попова, он еще в 1968 г. был исключен из КПСС за реплику после доклада о жизни и творчестве Андрея Платонова в Центральном доме литераторов: «Давайте поспорим, где будет Солженицын через 10–20 лет и где будете вы – его гонители?»⁷⁸. Его статьи «Стоит ли наступать на грабли? Открытое письмо одному инкогнито» («Знамя», 1987 г.) и «Ждановская жидкость» («Наука и жизнь», 1988 г.) сыграли немалую роль в политике десталинизации.

Журналист Василий Селюнин опубликовал в 1988 г. в «Новом мире» статью «Истоки» – сильный, эмоционально заряженный и в то же время фактологический текст о судьбе русского крестьянства, подвергавшегося внеэкономическому принуждению и террору на разных этапах советской истории. В «новомировском» некрологе Селюнину, умершему от рака спустя шесть лет, говорилось:

«Истоки» заметили буквально все и повсюду. При тогдашнем 500-тысячном тираже журнала эта вещь с помощью ксероксов, по свидетельству одного из социологов, вместе со статьей Н.Шмелева «Авансы и долги» (1987, № 6) разошлась по всему Союзу в количестве, как считают, 15–17 миллионов экземпляров. «Истоки» перевели на многие языки, цитировали политики и ученые. Редакцию и автора читатели завалили письмами. Можно сказать, что по выходе этого номера журнала Селюнин стал знаменитостью. Его наперебой приглашали в разные страны на симпозиумы и «круглые столы», в университетские аудитории⁷⁹.

Многие перестроечные публицисты состояли в «элитарном» клубе «Московская трибуна», созданном в 1988 г. при активном участии Андрея Сахарова, Юрия Афанасьева, Леонида Баткина и других известных либеральных интеллигентов. Шла подготовка к выборам 1989 г. Клубные деятели участвовали в них в основном в качестве политических активистов (пройти сито окружных предвыборных собраний в Москве удастся лишь Сергею Станкевичу, который станет народным депутатом СССР), а публицисты – в качестве кандидатов, с избранием которых связывались надежды на перемены.

4.7.5. Выборы Съезда народных депутатов СССР

Выборы народных депутатов СССР 1989 г. оказались первым общесоюзным голосованием, на котором избиратели могли голосовать за альтернативные кандидатуры.

С точки зрения эталонных демократических процедур к этим выборам можно предъявить немало претензий. Треть депутатов (750) избиралась от официальных советских общественных организаций – от КПСС до Всесоюзного общества филателистов – по произвольно определенным квотам. Из 1500 территориальных и национально-территориальных округов в 399 баллотировался единственный кандидат. В 952 округах – по два кандидата, и лишь в 149 округах кандидатов было три и более. Впрочем, безальтернативный кандидат должен был получить более половины голосов от списочного состава избирателей округа, так что в случае проведения серьезной негативной кампании такой кандидат мог и проиграть. Все кандидаты по этим округам должны были пройти одобрение окружных предвыборных собраний, состоявших в основном из работников крупных предприятий, зависимых от своего начальства.

Но главным было не все это, а сама возможность конкуренции, причем соперничества не только кандидатов, но и их программ – у немало их числа программы

78 Ученик совести и человек поступка. Памяти Юрия Федоровича Карякина // Культура и время. Общественно-научный и художественный журнал. 2011. № 4 (42). С.282.

79 Ларин С. Памяти В.И.Селюнина // Новый мир. 1994. № 12. С.247.

по своему содержанию выходили за рамки, установленные решениями партийных форумов. Формально компартия могла торжествовать победу – 87% избранных депутатов были членами и кандидатами в члены КПСС (между прочим, в 1984 г., когда безальтернативные выборы в Советы проходили по «разнарядке», среди депутатов был лишь 71% коммунистов). Реально же диапазон взглядов новых депутатов-коммунистов был крайне широк – ведь партийные билеты имели и Ельцин, и Юрий Афанасьев, и многие другие оппозиционеры.

Горбачев, инициировавший избирательную реформу, оказался в ловушке – для него не было удобной площадки для баллотировки. В Москве протестные настроения были столь велики, что он вполне мог проиграть выборы или победить недостаточно уверенно. В родном Ставропольском крае его бы выбрали огромным большинством – но баллотировка в провинции была бы расценена как слабость. Оставалось выдвинуть кандидатуру от КПСС, но там выборы были безальтернативными – 100 кандидатов на 100 мест («партийная сотня»). В случае конкуренции оказались бы провалены наиболее спорные кандидаты (причем не только Лигачев и Яковлев, занявшие, соответственно, 100-е и 99-е места), но и, возможно, даже сам Горбачев.

На фоне безальтернативного избрания Горбачева подлинный триумф ожидал Ельцина, победившего с 89% в московском национально-территориальном округе, представлявшем всю столицу. Его соперник, генеральный директор ЗИЛа Евгений Браков, получил поддержку парторганизации Москвы, что не спасло его от сокрушительного поражения. Такая победа окончательно сделала Ельцина основным кандидатом на роль лидера оппозиции Горбачеву и показала, что генсек (и партия вместе с ним) «потерял» столицу. Первый секретарь МГК Лев Зайков баллотировался от «партийной сотни», его ближайшие соратники (второй секретарь и председатель горисполкома) выборы в своих округах проиграли.

Всего на выборах потерпели поражение 35 представителей верхнего эшелона партийно-государственной элиты. Произошла мощная десакрализация элиты – выяснилось, что ее представители могут проигрывать. В Ленинграде активная негативная кампания оппозиции привела к электоральному провалу почти всего местного начальства. Первый секретарь обкома, кандидат в члены политбюро Юрий Соловьев получил лишь 44% в «безальтернативном» округе. Первый секретарь горкома Анатолий Герасимов разгромно проиграл молодому инженеру Юрию Болдыреву, набравшему 74% голосов.

Еще более необычной выглядела ситуация в Свердловской области. Там с «консервативным» первым секретарем обкома партии Леонидом Бобыкиным соперничал «реформатор», секретарь Сухоложского горкома по идеологии Андрей Измоденов. Таким образом в одном округе столкнулись два партийных функционера, причем победил младший по рангу. Эта история стала примером внутренней эрозии КПСС. В Сухоложском горкоме даже произошло внутреннее размежевание: лояльный Бобыкину первый секретарь настаивал, чтобы Измоденов снял свою кандидатуру, а второй секретарь поддержал Измоденова. В Подмосковье, где свою кандидатуру выдвинул ректор историко-архивного института Юрий Афанасьев, два горкома партии – ногинский и электростальский – не смогли договориться о выдвижении против него единого кандидата (впрочем, Афанасьев убедительно победил обоих своих соперников-рабочих).

Выборы показали, что страны, в которой действуют единые политические правила, больше нет. В республиках Средней Азии и Казахстане выборы прошли в условиях полного контроля правящей номенклатуры, в Азербайджане административный ресурс действовал чуть слабее – там не избрали председателя Верховного совета. В Армении лидеры оппозиции были арестованы еще до начала избирательной кампании, активность избирателей была невысокой из-за трагедии – разрушительного землетрясения в Спитаке в декабре 1988 г. – и действовавшего чрезвычайного положения. В Грузии уже после выборов, прошедших под контролем номенклатуры, произошел разгон армией митинга в Тбилиси, во время которого погибли люди – общественная ситуация резко изменилась,

результаты только что прошедшего голосования к моменту открытия съезда уже успели устареть (так, в составе грузинской делегации оказался генерал Игорь Родионов, руководивший разгоном митинга). В Белоруссии, Молдавии, Украине также победила номенклатура, но прошли и некоторые независимые кандидаты.

В Литве, Латвии и Эстонии победу одержала оппозиция, настаивавшая на повышении самостоятельности от Москвы – прямо лозунги достижения независимости пока не выдвигались, но уже подразумевались. При этом народными депутатами стали и некоторые «первые лица» этих республик, но гарантия их победы фактически обменивалась на лояльность сторонникам самостоятельности. Так, в Литве ведущее освободительное движение «Саюдис», получившее 36 мест из 42, не выдвинуло своих кандидатов против первого и второго секретарей ЦК компартии республики (первый секретарь Альгирдас Бразаускас позднее стал президентом независимой Литвы), зато «завалило» промосковских главу Верховного совета и правительства. В Эстонии весь правящий триумвират (первый секретарь, глава Верховного совета и премьер) победил при поддержке Народного фронта, председатель Верховного совета Арнольд Рюйтель тоже позднее будет избран президентом своей страны. В Латвии председатель Верховного совета Анатолий Горбунов, симпатизировавший Народному фронту, получил в своем округе убедительное большинство голосов (он будет руководить парламентом Латвии до 1995 года), первый и второй секретари также прошли при поддержке фронта, хотя и с небольшим перевесом. Таким образом, эрозия партийной элиты и советской власти в целом в этих республиках приняла еще более масштабный характер, что и подтвердили последующие события.

Результаты выборов от общественных организаций оказались противоречивыми. С одной стороны, по их квотам было избрано множество лояльных центральной власти депутатов. С другой, от ряда организаций прошли и оппозиционеры (Гавриил Попов – от Союза научных и инженерных обществ, Алесь Адамович – от Союза кинематографистов и др.) Самыми яркими были выборы от Академии наук – первоначально в список кандидатов не были включены представители оппозиции, но при первом голосовании из 20 кандидатов были избраны только 8. Под давлением сотрудников академии список кандидатов пришлось расширить – и при повторном голосовании победили яркие деятели оппозиции, в том числе Сахаров, Карякин, физик Роальд Сагдеев (единственный депутат прежнего Верховного совета, голосовавший в 1988 г. против дискриминационного закона о митингах – это было первое голосование «против» в советском «парламенте»), Шмелев и другие.

Формально номенклатура победила, но успех оппозиции был настолько очевиден, что победа выглядела «пирровой» и для самого партийного руководства. Проигравший выборы ленинградский руководитель Соловьев прямо заявил на заседании политбюро 23 марта, что идет борьба за власть, а противников «мы недооценили». Московский секретарь Зайков сообщал, что в столице если кто выступал за партийную платформу, сразу проигрывал. Лукьянов с тревогой обращал внимание на то, что большинство военных голосовали против партийных секретарей. Яковлев «убаюкивал» своих коллег статистикой о победе кандидатов-членов КПСС. Горбачев продолжал говорить о том, что ни о каком поражении речи быть не может, и сдерживал недовольство своих коллег⁸⁰.

На пленуме ЦК, состоявшемся 25 апреля, вновь, как и на партконференции, на трибуну прорвался партийный секретарь из Коми Мельников, еще не ставший министром. Он еще сильнее критиковал журналистов – за «некомпетентность, амбициозность, погоню за сенсациями» вплоть до ревизии марксистско-ленинского наследия – и алармистски заявлял, что на новые выборы в такой обстановке секретари райкомов и горкомов не

80 В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985-1991) / Сост. А.Черняев (рук. проекта), А.Вебер, В.Медведев; Горбачев-Фонд. М. : Альпина Бизнес Букс, 2006. С.474–480.

пойдут, «потому что стопроцентная гарантия, что их не изберут»⁸¹. Участники пленума встретили эти слова возгласами «Правильно» – многие партийные функционеры были раздражены, но пока не решались открыто критиковать генсека.

4.7.6. Первый Съезд народных депутатов: расстановка сил

25 мая 1989 г. в Москве открылся первый Съезд народных депутатов СССР, который стал символом перехода от либерализации к демократизации. Управляемый, контролируемый, дозируемый процесс преобразований сменился бурными процессами, принявшими для КПСС и СССР обвальное катастрофический характер.

Первые признаки утраты контроля появились в первые же минуты работы съезда. На трибуну неожиданно поднялся депутат от Латвии Вилен Толпежников и предложил почтить память жертв разгона демонстрации в Тбилиси. Открывший заседание председатель Центризбиркома Владимир Орлов, опытный партийный функционер, бывший первый секретарь Куйбышевского обкома КПСС и председатель президиума Верховного совета СССР, растерялся и не смог помешать рижскому врачу – в результате весь зал встал, подчиняясь призыву депутата, исключенного в 1968 г. из КПСС за протест против ввода войск в Чехословакию. Только затем удалось перейти к избранию председателя Верховного совета, которым предсказуемо стал Горбачев. Но характерно, что ему попытался составить конкуренцию мурманский инженер Александр Оболенский. Это стало явным симптомом далеко зашедшей десакрализации власти – оказалось, что любой депутат может бросить вызов самому генсеку.

Грузинская тема стала одной из ключевых для съезда. Традиционный подход – обвинить во всем протестующих – уже не работал, властного консенсуса не было. Представители разных властей – генерал Родионов и бывший первый секретарь ЦК компартии Грузии Джумбер Патиашвили – выдвигали различные версии тбилисской драмы. Родионов защищал действия армии, Патиашвили их осуждал. Звучали и подозрения в отношении союзных руководителей, которые могли влиять на принятие решений. В результате съезд создал комиссию по расследованию тбилисских событий, причем первоначальная кандидатура ее председателя – писателя, Героя Советского Союза Владимира Карпова – не прошла из-за его тесных связей с армией. Комиссию возглавил ленинградский юрист Анатолий Собчак, чья большая политическая карьера началась с ярких выступлений на съезде.

Съезд создал еще две комиссии. Одна из них – по работе следственной группы Гдляна и Иванова, расследовавших коррупцию в Узбекистане, отстраненных после обвинений в адрес союзных чиновников и избранных народными депутатами, соответственно, от Москвы и Ленинграда. Гдлян и Иванов тогда были «народными героями», участниками существовавшей в массовом сознании простой биполярной схемы «честные следователи – коррумпированные бюрократы». Комиссию возглавил бывший диссидент Рой Медведев, автор многочисленных работ по истории сталинизма. Впрочем, Медведев был вполне лоялен Горбачеву, чем сильно разочаровал демократических критиков генсека. А биполярная схема вскоре стала тускнеть – когда выяснилось, что у следователей нет достаточных доказательств их громких обвинений.

Вторая комиссия была создана по настоянию депутатов из Прибалтики – она должна была заниматься пактом Молотова-Риббентропа и секретными протоколами к нему. Во главе этой комиссии встал сам Александр Яковлев, почти половина ее членов (11 из 26) представляли прибалтийские республики. Горбачев согласился на создание этой комиссии с тем, чтобы пойти навстречу населению Прибалтики, показав, что союзный центр осуждает сталинский сговор с нацистами и решительно рвет с прошлым. Однако

81 Материалы Пленума Центрального комитета КПСС. 25 апреля 1989 года. М.: Политиздат, 1989. С.91–94.

уже вскоре выяснилось, что эти аргументы как минимум сильно запоздали и не могут остановить стремления к независимости.

Таким образом, съезд с самого начала своей деятельности стал активно реализовывать функцию парламентского расследования. Не будучи парламентом по своему характеру, он положил начало возрождению парламентских традиций, которые существовали в России в 1906–1917 гг. Одной из таких традиций являлось гласное обсуждение общественных вопросов публичными фигурами, имеющими народный мандат и неприкосновенность. Быстро появились яркие парламентские ораторы, представлявшие различные идеологические течения, – от демократа Собчака до пламенного сторонника сохранения СССР полковника Виктора Алксниса. Вырос запрос на квалифицированных юристов, способных работать над законопроектами, которых на съезде было немного – среди них можно назвать того же Собчака, профессоров Сергея Алексеева (будущего председателя Комитета конституционного надзора СССР), Юрия Калмыкова (будущего министра юстиции России), а также Анатолия Лукьянова, первого зампреда Верховного совета, в то время одного из ближайших соратников Горбачева.

На съезде впервые официально оформилась политическая оппозиция. Ее участники были в числе активных депутатов, но столкнулись с тем, что Афанасьев в своей речи на съезде назвал «агрессивно-послушным большинством» – депутатами, лояльными союзному руководству. Поводом для выступления Афанасьева стало формирование Верховного совета, в состав которого не попали многие демократические политики. Не был избран даже Борис Ельцин, так как число кандидатов от российских национально-территориальных округов было на одного больше, чем выделенная на них квота – понятно, что такой «плюрализм» привел к исключению политика, за которого проголосовали 89% московских избирателей. Скандал удалось «притушить», когда омский юрист Алексей Казанник отказался от своего места в пользу Ельцина, который затем возглавил комитет по строительству и архитектуре Верховного совета. Но это не повлияло на общую расстановку сил. Ведущими ораторами были оппозиционеры (в том числе и Ельцин, выступивший за децентрализацию власти и экономики, демонтаж командно-административной системы, конкурентные, всеобщие, равные и прямые выборы главы государства и скорейший созыв XXVIII съезда КПСС для избрания нового состава ЦК – Ельцин еще рассчитывал на успех в борьбе за симпатии партийных «низов»), но решения принимались без учета их мнения.

Еще одним важным этапом противостояния на съезде провластного большинства и оппозиционного меньшинства стало участие в его работе академика Сахарова. Именно по нему консервативная часть партийного руководства решила нанести удар, направленный на дискредитацию и ученого, и оппозиции в целом. На трибуну вышел депутат Сергей Червонопиский, молодой офицер, потерявший обе ноги в Афганистане, – он обвинил Сахарова в клевете на участников афганской войны. Свое выступление Червонопиский завершил лозунгом «Держава, Родина, Коммунизм!», вызвавшим овацию в зале. Те же депутаты, которые в первый день работы съезда почтили память погибших в Тбилиси, сейчас аплодировали защитнику Союза. Собчак позднее дал интересную психологическую картину происшедшего:

В этот миг я ощутил, что некая мощная сила поднимает меня, выталкивает из депутатского кресла и заставляет встать вместе с залом. Я буквально вцепился в подлокотники и лишь успел бросить взгляд на своих соседей: слева академик Игорь Спасский, справа митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей. Втроем мы сумели усидеть, сумели не поддаться стадному инстинкту ярости и агрессии. Я знал это чувство по своей армейской службе: когда ты под оркестр идешь в строю, возникает что-то похожее. Но то – парад, а тут нечто, уже похожее на бой... Допускаю, что и усидели-то мы на своих местах благодаря молитве будущего нашего патриарха⁸².

82 Собчак А.А. Хождение во власть. Рассказ о рождении парламента. М.: Новости, 1991. С.44-45.

Объяснения Сахарова зал слушать не хотел – его обструкция продолжилась, причем ситуация явно вышла из-под контроля Горбачева. Однако это не сломило академика – в последний день работы съезда он снова вышел на трибуну, причем с концептуальной речью. В ней он заявил о чрезмерных полномочиях Горбачева как председателя Верховного совета, о необходимости принятия декрета о власти, включавшего отмену 6-й статьи Конституции о руководящей роли КПСС, независимость высших должностных лиц страны от партийных решений и ограничение функций КГБ «задачами защиты международной безопасности СССР». Также Сахаров говорил о сокращении срока службы в армии и о реформе национально-государственного устройства. Здесь председательствовавший Горбачев оборвал его, распорядившись отключить микрофон – хотя Сахаров еще хотел говорить о репрессированных народах, свободных выборах (без окружных предвыборных собраний), правовом государстве – все это вошло в письменный текст его речи.

Таким образом произошло прямое столкновение Горбачева и Сахарова – главного партийного реформатора и самого знаменитого советского диссидента. Действия Горбачева можно объяснить – если бы он дал Сахарову говорить вне регламента и завершить речь, которая была альтернативой горбачевской политике, то он показал бы свою слабость перед «агрессивно-послушным большинством». В то же время, грубо оборвав пожилого академика, Горбачев нанес себе сильнейший репутационный ущерб, особенно в глазах избирателей крупнейших городов.

В тот же последний день работы съезда официально оформилась оппозиция. Было объявлено о создании Межрегиональной депутатской группы с пятью сопредседателями – Ельциным, Сахаровым, Афанасьевым, Поповым и эстонским академиком Виктором Пальмом, представлявшим прибалтийскую депутацию. Всего в состав группы вошли 388 депутатов – примерно 17% участников съезда. Позднее численный состав группы менялся, но ее оппозиционность только усиливалась. Состав сопредседателей свидетельствовал о сложной расстановке сил среди демократов, которые тогда еще не были готовы к единоличному лидерству биографически и психологически чуждого им Ельцина. Главным моральным авторитетом оппозиции был Сахаров. Только после его кончины в декабре 1989 г. лидерство Ельцина стало неоспоримым.

Библиография

- XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза. 28 июня – 1 июля 1988 года. Стенографический отчет. В двух томах. М.: Политиздат, 1988.
- XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 25 февраля – 6 марта 1986 года. Стенографический отчет. Т.1. М.: Политиздат, 1986.
- Андреева Н.А. Не могу поступаться принципами // Советская Россия. 13.03.1988.
- Афанасьев Ю.Н. (ред.) Иного не дано. М.: Прогресс, 1988.
- Бессмертная М., Плахов А. Режиссерская версия перестройки. К 30-летию Пятого съезда Союза кинематографистов // «Коммерсантъ Weekend». 13.05.2016.
- В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985-1991) / Сост. А.Черняев (рук. проекта), А.Вебер, В.Медведев; Горбачев-Фонд. М. : Альпина Бизнес Букс, 2006.
- Визит Генерального секретаря ЦК КПСС М.С.Горбачева во Францию. 2–5 октября 1985 года. Документы и материалы. М.: Политиздат, 1985.
- Воротников В.И. А было это так... Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М.: «Совет ветеранов книгоиздания», SI-MAR, 1995.
- Герасименко Г., Обичкин О., Попов Б. Неподсудна только правда // Правда. 15.02.1988.
- Глезин Э. Январская весна / Известия. 29.01.2007. URL: <http://www.vremya.ru/print/170191.html>.
- Горбачев М.С. Бессмертный подвиг советского народа. Доклад на торжественном собрании в Кремлевском Дворце съездов, посвященном 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. 8 мая 1985 года. М.: Политиздат, 1985.
- Горбачев М.С. Жизнь и реформы. М.: Новости, 1995.
- Горбачев М.С. Коренной вопрос экономической политики партии. Доклад на совещании в ЦК КПСС по вопросам ускорения научно-технического прогресса. 11 июня 1985 года. М.: Политиздат, 1985.
- Гришин В.В. От Хрущева до Горбачева. Политические портреты пяти генсеков и А.Н.Косыгина. Мемуары. М: АСПОЛ, 1996.
- Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). М.: Автор, 1996.
- Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС М.С.Горбачева «О созыве очередного XXVII съезда КПСС и задачах, связанных с его подготовкой и проведением». URL: <http://www.historyru.com/doc/persons/gor/docorg/doc3.html>
- Ельцин Б.Н. Исповедь на заданную тему: Размышления, воспоминания, впечатления... М.: Советско-британская творческая ассоциация «Огонек-Вариант», 1990.
- Жискар д'Эстен В. Власть и жизнь.. М.: Международные отношения, 1990.
- Из выступления М.С.Горбачева на октябрьском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС. 21.10.1987 // Реабилитация: как это было. середина 80-х – 1991. URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/66061>
- Кардаильский В. Клуб «Перестройка» (1987 г.). URL: http://igrunov.ru/vin/vchk-vin-n_histor/remen/1269186609.html.
- Корченкова Н. Ельцин в октябре. Как выступление первого секретаря МГК КПСС изменило ход истории страны. // Коммерсант. 21.10.2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3441660>
- Ларин С. Памяти В.И.Селюнина // Новый мир. 1994. № 12.
- Лацис О.Р. Тщательно спланированное самоубийство. М.: Московская школа политических исследований, 2001.
- Лигачев Е.К. Борис был не прав. М.: Алгоритм, 2012.
- Материалы Пленума Центрального комитета КПСС 27–28 января 1987 года. М.: Политиздат, 1987.

- Материалы Пленума Центрального комитета КПСС 25 апреля 1989 года. М.: Политиздат, 1989.
- Митрохин Н. Русская партия: Движение русских националистов в СССР. 1953—1985 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2003.
- Павловский Г.О. Век двадцатый и конец века. URL: <http://old.russ.ru/antolog/vek/>
- Попов Г.Х. С точки зрения экономиста (О романе Александра Бека «Новое назначение») // Знамя. 1986. №№ 10–11.
- Прокофьев Ю.А. Как убивали партию. Показания первого секретаря МГК КПСС. М.: Алгоритм, 2011.
- Ремник Д. Могила Ленина. Последние дни советской империи. М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2017.
- Рыжков Н. И. Главный свидетель. М.: Эксмо; Алгоритм, 2009.
- Сигман К. Политические клубы и перестройка в России. Оппозиция без диссидентства. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
- Собчак А.А. Хождение во власть. Рассказ о рождении парламента. М.: Новости, 1991.
- Сушков В. Заключение по кличке «Министр». М.: Совершенно секретно, 1995.
- Тольц В. Памяти Вадима Загладина (Сохраненное интервью). Радио Свобода. 26.11.2006. URL: <https://www.svoboda.org/a/316631.html>
- Умер Виктор Некрасов // Московские новости». 13.09.1987.
- Ученик совести и человек поступка. Памяти Юрия Федоровича Карякина // Культура и время. Общественно-научный и художественный журнал. 2011. № 4 (42).
- Филиппов П. Возьмись и сделай. СПб: Норма, 2016.
- Харт Г. Россия потрясает мир. Вторая русская революция и ее воздействие на Запад. М.: Новости, 1992.
- Черняев А.С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 годы. М.: РОССПЭН, 2008.
- Яковлев А.Н. Большевизм – социальное бедствие XX века. / С.Куртуа, Н.Верг, Ж-Л.Панне, А.Пачковский и др. Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии. М.: Три века истории. 1999.
- Яковлев А.Н. Сумерки. М.: Издательство «Материк», 2003.
- Яковлев А. Перестройка: 1985–1991. Под ред. А.А.Яковлева. М.: МФД, 2008.